

С.В. Волошина
И.А. Шадхан

Контрольная для взрослых

Дополнительные видеоматериалы к книге и информацию о проекте
«Контрольная для взрослых»
можно найти по адресу:
<http://kdv-archives.livejournal.com/>

**КОНТРОЛЬНАЯ
ДЛЯ
ВЗРОСЛЫХ**

С. В. ВОЛОШИНА
И. А. ШАДХАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Авторы этой книги — тележурналистка Светлана Волошина и режиссер Ленинградской студии телевидения Игорь Шадхан. В 1979 году почти два месяца внимание миллионов телезрителей было приковано к циклу передач «Контрольная для взрослых», показанных Центральным телевидением. Множество писем, полученных в адрес создателей этого цикла, свидетельствовало о том, что передачи многих взволновали. В высшей степени доброжелательные рецензии, опубликованные во многих центральных и ленинградских газетах, подтверждали, что эта работа ленинградцев, выполненная в содружестве с москвичами, несомненно удалась.

Светлана Волошина и Игорь Шадхан и до «Контрольной для взрослых» были уже хорошо известны телезрителям по серии проблемных передач под названием «Дело государственной важности». И то, что они затем обратились к теме о воспитании, то, что они решили пристально взглянуть на взаимоотношения детей и взрослых, — не случайно. Дети — наша общая забота. Вырастить из них настоящих людей — дело государственной важности.

«Цель нашей передачи, — рассказывал в одном из газетных интервью Игорь Шадхан, — привлечь внимание родителей к внутреннему миру их собственных детей, к их интересам, к их проблемам, к их жизни в кругу друзей и товарищей. Чтобы увидеть лицо ребенка, взрослый должен наклониться к нему. Наклоняться надоедает, мы перестаем это делать — и не видим ребенка; только слышим его. А слова — они не все скажут. Телекамера уравнила взрослых с детьми, они перед ней одного роста. И многое стало виднее. Взрослым иногда кажется, что существует особый детский мир, такой несерьезный, пустячный. А мы хотим показать, как в этом мире все по-настоящему, как все глубоко чувствуется и переживается».

Работа над «Контрольной для взрослых» шла несколько месяцев. Рождался этот цикл на Ленинградском телевидении, и авторы выбрали «базовый» детский сад по одному-единственному признаку: чтобы он находился поблизости от студии, на Петроградской стороне. Потом, когда передачи уже пошли в эфир, в адрес их авторов стало поступать немало писем, которые упрекали тележурналистов: и дети, дескать, отобраны со всего Ленинграда, и родители приглашены соответствующие. Не может средний ребенок так умно рассуждать, так точно обобщать явления жизни, не могут рядовые родители так интеллигентно мыслить, так непринужденно держаться перед телекамерой!

А между тем и дети были самые обыкновенные, и родители их — люди разного возраста, образования, интересов — самые обычные. Весь секрет заключался в том, что передачу делали действительно талантливые люди. Отсюда и искренность, и раскованность взрослых и детей. Родители, приходя в студию, не знали, о чем пойдет сегодня речь. Будь иначе, разрушилась бы правда. Ведущая Светлана Волошина готова была слушать и верные, и неверные ответы, потому что и ей, и телезрителям были интересны все точки зрения. Терпимость, душевный такт, расположенность к людям определили взаимопонимание и доверие в «классе для родителей».

Но было в этом «классе» еще и «окно» в другую студию, где шла беседа Игоря Шадхана с детьми — своего рода школьная доска-экран (дополнительный экран, или рир-экран, как говорят специалисты).

«Одни и те же вопросы мы задавали и родителям, и детям, — рассказывает Игорь Шадхан. — Сопоставление их ответов давало порой такой эффект, которого мы и сами не ожидали. Когда мы готовились к работе, то наметили целый список тем, но во время съемок родители и дети наталкивали нас на проблемы более живые и острые. Например, мы узнали, что один из мальчиков в группе сочиняет сказки, — и начался разговор о сказке, о том, как понятия о добре и зле, о горе и радости преломляются в душах детей, как богата их фантазия и велика, тяга к справедливости».

Игорь Шадхан удивительно умеет разговаривать с детьми - серьезно, уважительно,— отмечалось в одной из рецензий на передачи. И это не игра в серьезность и уважительность, это разговор на равных. Поэтому дети не стеснялись рассказывать ему свои сказки, открывать свои радости и даже быть самокритичными...

Восемь недель — восемь раз выходила в эфир «Контрольная для взрослых». А в своих письмах телезрители требовали, чтобы авторы продолжали работу над педагогической темой. И еще они настоятельно просили о том, чтобы им рассказали, как задумывалась передача, как авторы выбирали темы, «как вообще все это происходило».

Книга «Контрольная для взрослых» — в известной мере ответ на эти вопросы телезрителей. Но не ради одного этого, конечно, она писалась. «Воспитанию чувств мы посвятили серию передач «Контрольная для взрослых». Воспитанию чувств мы посвящаем и эту книгу»,—пишут С. Волошина и И. Шадхан.

«Жаль, что телевизор не имеет обратной связи»,— говорилось в одном из писем, адресованных авторам передачи. Здесь эта «обратная связь» существует — в книге приводятся письма телезрителей, которые содержат в себе не только оценку передачи, но и размышления над ней, доверительный рассказ о своих радостях и горестях, личную сопричастность к тому, что происходило на экране телевизора.

Передача «Контрольная для взрослых» пробудила во многих зрителях понимание глубокого общественного смысла профессии родителей. Книга под тем же названием несомненно найдет своих читателей, которые настойчиво ищут дорогу в «страну детства»

Глава 1. ЗНАКОМСТВО

Письма-SOS, письма-исповеди, письма-советы, письма о счастливых судьбах, письма о жизненных катастрофах... Их авторы, написав на конвертах адрес: «Телевидение, Контрольная для взрослых», тем самым дали нам, авторам передачи, возможность познакомиться с огромным богатством человеческих чувств и мыслей.

«Дорогие товарищи! Помогите! Гибнет человек! Этот человек — моя племянница, ей сейчас 3 года и 2 месяца. Ее воспитывают люди фальшивые и бездуховные. Я готов сделать все, но мне нужна поддержка: поставьте эту проблему на обсуждение. Разве я не прав, что осуждаю родителей, которые требуют от детей честности, доброты и т. д., а сами живут совсем по другим «моральным законам»? Юрий Михайлович Царев. Гор. Воронеж»

Нет, они не требовали немедленного ответа. Просто у них возникла потребность высказаться.

Социальное положение, профессия и возраст тех, кто нам писал, были разными. Старшему, к примеру, 82 года, а самому младшему — 13. Но всех их объединяет прежде всего забота о воспитании подрастающего поколения.

«Здравствуйте, все участники программы «Контрольная для взрослых»! Как и у всех детей, у меня есть мать и отец, но, увы, они такие разные! У нас хороший папа, он не пьет, всегда поступает честно. Но кроме папы есть мама. Она у нас плохая. Она при нас по-всякому обзывает папу или выгоняет его из дома, устраивает скандалы. Я иногда не сдерживаюсь и высказываю ей все. В общем, из этого можно понять, что бывает у нас в доме. У нас есть машина, ковры — все есть, но нет семейного благополучия.

С уважением к вам Ульяна, мне 14 лет».

Давайте, уважаемый читатель, размышлять вместе. Над тем, какие чувства может испытывать совсем юный человек, какими формулировками он оперирует и какие

поступки способен совершить (в том числе — написать подобное письмо).

Именно это мы и предложили в свое время телезрителям вместе с героями цикла передач «Контрольная для взрослых», когда приступили к длительному теленаблюдению (съемки велись в течение года) за группой шестилетних детей одного из детских садов Ленинграда и их родителями. Каждая телепередача начиналась так:

«Этот класс — не настоящий. Мы поставили в студии ученические парты для взрослых людей. На школьной доске — портреты тех, кто сейчас войдет в класс. Авторы рисунков — их дети. Дети! Каждый день они выставляют нам оценки — своими успехами, своим поведением, своими поступками... Дети — это ежедневная и, пожалуй, самая главная «контрольная» всей нашей жизни».

Вот, пожалуй, единственное, что мы, авторы, — позволили себе утверждать в КАТЕГОРИЧЕСКОМ ТОНЕ на протяжении всего цикла телепередач. В остальном же старались создать такую атмосферу взаимоотношений с участниками передачи и телезрителями, чтобы была возможность и спорить, и сомневаться, и обмениваться опытом, и вырабатывать общие суждения. Иными словами, «учительского стола» в телевизионном классе не было. Так же, как не будет его и здесь, в этой книге. В процессе работы нам не раз приходилось слышать: «Почему бы не посадить в классе авторитетного педагога или ученого, который в конце обсуждения подведет итог?», «У вас в передаче сплошные вопросы, а где ответы? Почему бы вам хотя бы хорошей цитатой не поддержать свою позицию?»

Для меня — ведущей передачу — действительно было очень заманчиво во время непростого разговора о воспитании детей поставить все на место, воспользовавшись мудрой цитатой. Но вместо этого я однажды откровенно заявила своим собеседникам: «А я тоже не знаю, почему наши дети лгут. Давайте разбираться вместе». Именно такая откровенность и побуждала людей делиться своим родительским опытом. Во многих неожиданно открылся дар педагога, дар воспитателя. Теперь, спустя время, мы думаем, что «всезнайкам» люди вряд ли написали бы такие доверительные письма...

Без доверия вообще какой может быть разговор! Мы сами иногда удивлялись, как дети рассказывали «дяде Игорю» буквально все. И уж совсем невозможно представить, что «дядя Игорь» способен обрушить на ребенка какое-нибудь «авторитетное нравоучение». Более того, после одной из записей он признался, что в разговоре с детьми главное — не подготовка вопросов, а готовность к ответам. Насколько же ответы детей бывают неожиданными, эмоциональными и... авторитетными! И каждый раз необходимо подняться до их забот и чувств. Чтобы диалог состоялся.

Впрочем, об этом Игорь Шадхан может с успехом рассказать и сам...

Я возвращаюсь с работы домой. Навстречу мне, держа за руку трехлетнюю дочь и увлеченно беседуя с ней, идет мой сосед по дому. Стараюсь не привлекать к себе внимания: уж больно хорошо общаются папа и дочка. Но сосед замечает меня. «Привет!» — кричит он. Я тоже приветствую его. Мы останавливаемся, говорим о работе, о погоде, о

политике, о «Жигулях»... Время от времени маленькая Оля, поглядывая то на меня, то на своего папу, пытается вступить в разговор. Ее волнует куст шиповника, около которого мы остановились. Она говорит: «Колется. Цветочек. Почему колется цветочек? Муха. Папа, муха! Муха тоже уколется?»

«Да подожди, Оленька», — отвечает ей папа. Проходит еще несколько минут. Мы с папой говорим уже о Кавказе, давая друг другу советы, где лучше провести отпуск.

— Сочи. Хоста.

— Гудаута.

— Лоо! Адлер...

И вдруг Оля заплакала. Громко и очень горько.

Папа бросился рассматривать руки Оли - не укололась ли? Нет, не укололась. «Тогда почему ты плачешь? — строго спрашивает он Олю.— Опять капризничаешь?» Мы прощаемся. Сосед берет дочь на руки. А она, обхватив его одной ручонкой за шею, другой, все еще всхлипывая, показывает ему, куда нужно идти: вон туда, к той поляне, подальше от дороги, где никто не ходит, где ее папа не встретит ни одного знакомого. Так расшифровываю жест девочки я. Не знаю, понял ли Олин папа, почему расплакалась Оля. Мне кажется, что я — понял...

Я — ОЛЯ. Гуляю с папой. Мне так хорошо держать папу за руку. Что я ни скажу — папа услышит. И засмеется. Или тоже что-нибудь скажет. Или посмотрит на то, на что смотрю я. И вдруг папа совсем забывает обо мне. К нему подошел какой-то дядя. И папа теперь разговаривает с ним. А что делать мне? Попробую забрать папу обратно: «Колется. Цветочек. Почему колется цветочек? Муха. Папа, муха! Муха тоже уколется?» Папа услышал. Но зло дернул мою руку. И сказал обидное слово «капризничаешь». Я все терпела, терпела... И вдруг увидела, как заплакал кустик, и дорожка стала вся в слезах, и песочница... Тогда и я заплакала.

Я — ОЛИН ПАПА. Каждый день выхожу погулять с дочкой. Так приятно держать в своей руке ее маленькую ладошку. И что скрывать, жду этих минут. Потому что никто не задает мне таких замечательных вопросов как она. Например: «Почему колется цветочек?» Нет, Оленька, это не цветочек колется, а ветки, они его защищают. А цветок очень нежный и очень душистый. У природы есть свои духи — это цветы...

И вдруг вижу знакомого. Надо узнать, что новенького в мире. Может, какую информацию подбросит - все-таки на студии телевидения работает. Интересно поговорили, да маловато: Ольга разревелась. Почему? Вчера она тоже плакала, когда я с доктором из 48-й квартиры общался... А позавчера я с ней вообще не говорил: дочитывал детектив. Но она тоже, по-моему, плакала, когда я оставил ее играть в песочнице. Как это она спросила: «Папа, муха тоже уколется?»

Я — РЕЖИССЕР. Вижу грустные глаза трехлетней Оли, которая укололась (нет, не о куст шиповника!) о безразличие взрослых. И глаза мальчика, лет двенадцати, наполняющиеся слезами, когда его мама хорошо слышимым шепотом сообщает своей знакомой секреты сына. Мальчик в это время читает книгу, и мама думает, что он ее не слышит. А он слышит! Доверится ли он маме в следующий раз? Простит ли ей это предательство? И не научится ли предавать сам?!

Вижу совершенно ошалелые глаза девочки, стоящей вместе с мамой в очереди в книжном магазине. На ее глазах, не стесняясь, ругаются взрослые люди, и пуше всех ее мама. Она буквально вырывает какую-то книгу из рук другого покупателя. И совсем не замечает глаз своей дочери. Посмотрела бы в них!

Вижу горящие от унижения глаза подростка, ведущего домой пьяного отца.

И презиравшие глаза сына одной моей знакомой, смотрящие с таким отвращением на маму, делающую ему очередное внушение о честности и порядочности — о качествах, чуждых прежде всего ей самой...

Глаза детей, глаза взрослых. Всегда ли мы понимаем друг друга? А что это значит — понять детей? Может быть — почувствовать их? И почувствовать глубину их чувств? Всегда ли на это хватает сил?

Глаза детей, глаза взрослых. А что, если снимать глаза в глаза? Телекамера всех уравнивает. Ей наклоняться не надо...

Мы — в игровом зале детского сада. Ребята уже «наигрались» с нашими громоздкими камерами. Привыкли и к освещению. Волнуясь, как никогда, беру микрофон и подзываю к себе Артема — шестилетнего крепыша, решительного, жаждущего всегда и во всем быть первым. Оба садимся на детские стулья — «глаза в глаза», и я задаю свой первый вопрос... Сейчас перед нами лежат стенограммы восьми передач цикла «Контрольная для взрослых». Кажется, в них запечатлено все: десятки, даже сотни вопросов, все до единого ответы, неповторимый строй детской речи... Междометия. И все-таки стенограмма многое не раскрывает. Здесь совсем нет того, что могут дать только телевизионные камеры, — изображения.

Действительно, какими словами можно передать всю гамму чувств, которая отражается на лице ребенка при поиске ответа, в моменты огорчения, радости, сомнения?! Какими словами передать выражения лиц родителей, когда и они буквально заново открывали своих детей? Какими бы словами ни описывать музыку, самой музыки, к сожалению, не услышишь. Так что же, совсем не использовать в этой книге стенограммы передач? Невозможно. Потому что это, прежде всего, документ, в котором дети и взрослые высказываются на равных, документ, который, может быть, поможет нам всем чуть лучше понять и своих детей и самих себя.

Вот почему мы решили включить в эту книгу стенограмму одной передачи целиком, а остальные представить фрагментами. Решили, надеясь на воображение читателей.

Первую передачу цикла «Контрольная для взрослых» мы условно назвали «Знакомство». Это было многоплановое знакомство.

Во-первых, мы сами знакомимся с героями передачи — родителями и их детьми в конкретных ситуациях.

Во-вторых, мы знакомим с ними телезрителей.

В-третьих, первая передача знакомит с проблематикой цикла в целом.

И, в-четвертых, именно тогда произошло, пожалуй, самое главное знакомство — знакомство родителей со своими собственными детьми. Вообще, от этой передачи, а вернее, от того, что произошло на ее съемках, зависела судьба цикла. Здесь проверялось все: верны ли были жизненные наблюдения и позиции авторов, точно ли подобраны ситуации, в которых должны проявиться участники, найдена ли верная интонация общения с детьми и со взрослыми, состоится ли диалог с телезрителями...

Представьте себе обычный школьный класс, который отличается от настоящего только тем, что в нем нет учительского стола, а вместо доски — экран. Класс предназначен для родителей. А на доске-экране будут появляться их дети.

Сейчас класс еще пуст. Камера плавно «объезжает» его, укрупняя экран-доску, на которой развешаны нарисованные детьми портреты родителей. Кстати, вы когда-нибудь пробовали определить рисунок вашего ребенка, не глядя на подпись?

Герои нашей передачи получили задание — найти свой портрет. Кто-то, сразу узнав себя, радостно снимал рисунок, а кто-то долго стоял, прищурившись, и смотрел, как смотрят знатоки на картины импрессионистов... Кто-то спешил и ошибался. Атмосфера царила веселая. Взрослые люди с удовольствием играли в эту игру и сами были похожи на детей. Наконец, ведущая Светлана Волошина предложила всем сесть за парты.

А теперь давайте «включим звук».

ВЕДУЩАЯ. Мы не случайно, попросили вас найти свои портреты, не случайно затеяли эту «игру». Как вы думаете, можно таким образом выяснить ваши взаимоотношения с детьми?

ДЕДУШКА ДЕНИСА. Ну, я был удивлен, что Денис нарисовал именно меня. Я думал, он нарисует папу и маму.

МАМА АЛЕШИ. Я считаю, что общий вывод такой: дети любят нас. Вот, пожалуйста, запомнил же Алеша, что мне нравится зеленый цвет.

ВЕДУЩАЯ. Ну что ж, продолжим знакомство с вашими детьми. (На доске-экране прямо перед родителями появляется Артем — круглолицый крепыш с серьезными живыми глазами.)

ВЕДУЩИЙ. Артем, попробуй оценить себя. Какой ты?

— У меня характер не очень хороший...

— А что в твоём характере нехорошее? С твоей точки зрения?

— С моей точки зрения? Ну, то, что мы иногда с ребятами ссоримся...

— А кто в этой ссоре виноват?

— Все виноваты... Бывает, и я виноват.

(В то время, когда Артем появился на экране, у его мамы было такое выражение лица, какое обычно бывает во время выступления сына на детском празднике. Волнение и надежда, что сын выступит хорошо. Однако, услышав вопрос, заданный сыну, мама явно насторожилась... Ответ Артема вызвал третью реакцию — удивление. И все это произошло в считанные секунды.

Потом настал черед другой мамы. На экране - Алеша.)

АЛЕША. Я иногда бываю хорош-ший. Иногда плохой.

— А что значит «хороший» или «плохой»?

— Ну, когда хороший, я очень люблю помогать, выручаю друга, если что-нибудь случилось...

— А когда — плохой?

— Тогда сержусь, не разговариваю несколько минут.

(Гаснет экран. В классе уже настороженная тишина: что будет дальше?)

ВЕДУЩАЯ. Расскажите теперь вы о них. Что любят ваши дети? Ваш сын, например?

ПАПА ИЛЬИ. Мы недавно заметили, что он сказки сочиняет... Больше всего любит сказки.

(На экране Илья.)

ИЛЬЯ. Лучше всего мне бывает, когда я сплю.

— Почему тебе лучше всего бывает, когда ты спишь?

— Потому что, когда спишь, можно чего-нибудь увидеть.

— Значит, ты любишь больше всего сны, да?

— Да они иногда цветные, иногда бесцветные.

— Цветные сны — это, наверное, очень интересно. Расскажи какой-нибудь сон...

— Какой-нибудь? У меня больше страшные...

(Родители вглядываются в своих детей, и иногда кажется, что так вглядываются они в них впервые. Перед ними стоит задача — угадать, как ответит на тот или иной вопрос их ребенок. И они, к сожалению, пытаются угадать, а лучше бы, конечно, знать...)

ВЕДУЩАЯ. А ваш сын что больше всего любит?

МАМА ОЛЕГА. Ну, в разные периоды он увлекался разным. Сейчас больше всего любит слушать пластинки. И собирать модели машин.

ОЛЕГ (появляясь на экране). Я больше всего люблю природу!

(Удивленное лицо мамы Олега — крупным планом.)

ВЕДУЩАЯ. А Дениска?

МАМА ДЕНИСА. Он очень любит в «конструктор» играть. К обеду невозможно дозваться, спать трудно уложить. И очень любит изображать кошек. Бегает по квартире, мяукает... Я даже говорила, что он будет актером.

ДЕНИС. Я буду химиком.

ВЕДУЩИЙ. Химиком?! Почему именно химиком? И что такое химия вообще?

ДЕНИС. Химия? Это значит что-то такое смешивать, что-то такое разливать...

(Выражение лица мамы Дениса представить нетрудно.)

ВЕДУЩАЯ. Мы предложили вашим детям сделать выбор из пяти игрушечных автомобилей. Четыре из них совершенно новые, с иголки, как говорится, а один - сломанный. Как вы думаете, какой автомобиль выберет ваш сын?

МАМА ОЛЕГА. Мой наверняка выберет новый.

ОЛЕГ. Я бы выбрал конечно же старый! Потому что мы бы с папой его отремонтировали, и он бы опять стал, как новый...

ВЕДУЩАЯ. А ваша дочь выберет какую куклу? Новую или старую?

МАМА ИРЫ. Очень трудно сказать... Если бы я ее спрашивала, она, наверное, смотрела бы мне в глаза и ждала, что, я от нее хочу услышать: старую или новую? Она очень не любит огорчать и хочет всегда правильно ответить.

ИРА. Я бы выбрала старенькую.

— Почему, Ира?

— Потому что я хочу, чтобы девочкам достались новые.

— Чтобы девочкам достались новые куклы? А ты будешь играть со старенькой? Разве это интересно?

— Нет, я лучше возьму новую.

— Новую. Значит, новая интереснее. А помнишь, ты мне сказала, что хочешь быть доктором. Может быть, ты вылечила бы эту старенькую куклу?

— Да, вылечила бы...

— Так какую же ты куклу выбрала бы, Ира?

— Старенькую...

МАМА ИРЫ. Пока эта черта, по-моему, хорошая. Она хочет доставить приятное мне, окружающим. Хочет угодить. И в то же время мне что-то в этом не нравится. Может быть, это приспособленчество? Хотелось бы, чтобы она имела свою точку зрения.

(Ровно через год, когда снималась заключительная передача цикла, режиссер попросил Иру вспомнить ситуацию с выбором куклы. Ира, улыбаясь несколько снисходительно по отношению к самой себе, очень точно воспроизвела все, что она говорила год назад. Когда ее снова попросили сделать выбор, она твердо, не колеблясь, выбрала старую куклу. На вопрос, почему она сделала именно так, Ира ответила: «Потому что буду врачом». Лицо ее мамы в этот момент выражало одобрение. Но что-то заставило режиссера продолжить разговор с девочкой. Вопреки мнению мамы, ответ Иры не казался ему убедительным. Принимала ли Ира какие-нибудь самостоятельные решения в течение года? Молчит. Поступала ли наперекор кому-нибудь? «Не помню»,— говорит Ира. Просим Иру вспомнить, дав ей на это время. Через полчаса она возвращается. «Удалось вспомнить?» — «Нет, не удалось...»)

И длинная, длинная пауза. Такая напряженная, такая вопросительная, что захотелось сказать Ире что-то ласковое, успокоить ее. Но паузу прервала она сама: «Может быть, я и не принимала никаких решений». Сказано это было так осознанно, так откровенно, что изменился даже внешний облик Иры. Она на глазах стала взрослей, она, может быть, первый раз в жизни приняла решение: призналась в том, что у нее есть свои проблемы, что не так все гладко, как думают родители. Но это произошло через год. А сейчас мы только знакомимся. И с родителями. И с детьми.)

ВЕДУЩАЯ. Скажите, какая любимая песня у Алеши?

МАМА АЛЕШИ. У него разные: про любовь, лирического плана...

— Про любовь?
— Да. Репертуар Аллы Пугачевой. Вообще у него такая привычка — все время петь. Когда играет или что-то делает. Прислушаешься — он постоянно что-то мурлычет.
— Ну, а чаще всего — что? Последняя любимая?
— Такой большой репертуар, что трудно сказать. Я даже не знаю. Ему все равно — песня или мелодия.
— Признайтесь, что любимую песню сына вы не знаете.
— Нет. Потому что любимой — нет.
ВЕДУЩИЙ. Скажи, Алеша, у тебя есть любимая песня?
— Есть.
— Какая?
— "Соловьиная роща". (Ни секунды не задумываясь, убежденно.)
— Любишь ее петь?
— Угу.
— Попробуй, спой тихонечко. Я тоже очень люблю эту песню.
— «Там, где ветер сказку сторожит...»
(Запел Алеша, высоко и чисто запел. И очень охотно. Видимо, действительно пел любимую песню. Замечали ли вы, что, когда хорошо известную песню поет ребенок, кажется, что слышишь ее впервые? Так было и с Алешиной песней. Она неслась в класс, и удивленные, улыбающиеся родители зачарованно ее слушали. Они, конечно, знали, что он любит петь, но что так?! И только Алешина мама не улыбалась. Она всматривалась в своего сына и, наверное, задавала себе один и тот же вопрос: «Почему я не почувствовала, что эта песня у него — любимая?»)

ВЕДУЩИЙ. Олег, что значит «дружить»?

ОЛЕГ. Ну, например, если едешь в автобусе один, а тебе хочется поговорить с кем-нибудь, то с чужим человеком ты не поговоришь. Но с другом — можешь...

— А еще как ты понимаешь слово «дружить»?

— Дружить — это значит не обижать человека и... всегда быть с ним рядом.

(Вопрос самому маленькому — и по возрасту, и по росту мальчику в группе. Его тоже зовут Алешей.)

ВЕДУЩИЙ. Алеша, ты в этом году пойдешь в школу. А с кем бы ты хотел сидеть за одной партой?

— Все равно с кем.

— Почему?

— Потому что у меня особенно хороших друзей нет.

— Ну, а с девочкой или с мальчиком?

— Все равно.

ВЕДУЩАЯ (обращаясь к отцу Алеши). Скажите, а у вас есть друг?

ОТЕЦ АЛЕШИ. Да, есть. Но, к сожалению, он в Москве. Мы не очень часто видимся.

— Алеша знает, что у вас есть друг?

— Да. В общем-то, знает.

— Я просто хочу спросить: может ли Алеша понять на вашем примере, что может дать дружба, какую радость она приносит?

— Он редко нас видит вместе, потому что в основном я к другу езжу, а не он к нам. Так что сын этого не видит.

— Какую черту характера перенял от вас сын?

— Наверное, любознательность.

— А чего бы вы не хотели передать ему? Что вам мешает в жизни?

— Не всегда довожу начатое дело до конца.

— Что же вы предпринимаете?

— Алеша, например, задумал построить железную дорогу, и я стараюсь, чтобы он не бросил это занятие на полпути. А вообще я считаю, что самое главное воспитать силу воли. Потому что все хотят быть смелыми, добрыми, честными... А все эти качества, если будешь обладать силой воли, можно воспитать в себе самому.

(Очень внимательно слушали этот диалог остальные участники передачи. Во всем ли мы служим примером детям? Не ругаем ли мы их за наши собственные недостатки, перешедшие к ним «по наследству», недостатки, которые мы не потрудились в себе исправить? Не слишком ли часто мы считаем, что нам нечего в себе переделывать, хотя самое интересное и самое творческое в общении с детьми — это возможность расти самому. Может быть, в совершенствовании всех членов семьи и состоит смысл слов «семейное воспитание»?)

ВЕДУЩИЙ. Скажи, Артем, что больше всего любит твоя мама?

— Моя мама больше всего любит цветы.

— А какие цветы, знаешь?

АРТЕМ (смешно прищурился, вспоминая, и вдруг выпалил): Тюльпаны.

— А откуда ты это знаешь?

АРТЕМ (не смотря в глаза, очень по-взрослому, отвечает). Она покупает тюльпаны, когда есть деньги.

— А что больше всего любит твой папа?

АРТЕМ (всегда такой решительный, вдруг сжимается в комочек и переспрашивает). Мой папа?

(И, опустив глаза, что-то бормочет.)

— Что-что?

— Спать,— говорит Артем и горько улыбается.

(Мы даже не подозреваем, сколько знают о нас наши дети! Порой кажется, что гораздо больше, чем мы о них. Они видят наши семейные неурядицы, наши ошибки, нашу невоспитанность. И думают о нас, думают!

Видел ли передачу папа Артема? Понял ли своего шестилетнего сына? В передаче принимала участие только его мама. Папу мы так и не дозволись, хотя не раз пробовали.)

ВЕДУЩАЯ. А вот интересно, если спросить ваших детей, трудная ли работа у ваших отцов и матерей, что они ответят?

ГОЛОСА. Конечно, трудная! Мы всегда говорим, что устали!

(В классе, на экране-доске маленький Алеша.)

ВЕДУЩИЙ. У мамы трудная работа?

— Думаю, что трудная, потому что там никто не хочет в две смены работать.

ВЕДУЩИЙ. Юлия, представь себе, есть четыре машины: «скорая помощь», гоночная, автобус и самосвал. Какую машину выбираешь?

- Гоночную. Потому что "скорая помощь" — это для врачей, которые крови не боятся. Вот моя мама - хотя и врач, но на «скорой помощи» работать не хочет. И я не хочу.

(Задумывались ли вы когда-нибудь, почему дети все реже и реже выбирают родительские профессии? Конечно, причин много. Одна из них в том, какой мы преподносим нашу профессию детям. Почему мы часто говорим об усталости? И не объясняем, отчего мы устали, не говорим о важности наших дел и радости, которую дает выполненная работа...

Наша работа! Каким же пугалом мы иногда делаем ее в глазах детей! Захотят ли они когда-нибудь так устать, как мы?!)

ВЕДУЩАЯ. Я все хочу у вас спросить: как вы себя чувствуете в нашем классе? Ведь мы могли бы посадить вас в гостиную, а рассадили по партам...

ПАПА АНДРЕЯ. Мы воспитываем детей и, значит, сами все время чему-то учимся. Так почему бы нам не учиться друг у друга за партами?

ДЕДУШКА АЛЕШИ. А я уже скоро в третий раз пойду в школу. Сначала сам бегал, потом детей водил. А теперь внука буду провожать.

ВЕДУЩАЯ. Дети скоро пойдут в школу и будут задавать вам множество вопросов: в какой форме ходила бабушка в школу, в какой мама, на какой парте сидел папа? А потом пойдут вопросы посложнее: как учился папа? Так как вы учились?

— Более-менее.

— Я? На четверки.

— Я — неважно.

ВЕДУЩАЯ. Вот интересно, сын спросит: папа, как ты учился? Что вы ему ответите?

— Я ему, наверное, отвечу, как и вам.

— С полной откровенностью? Ну а потом, наверное, придется сказать: я учился неважно, а ты учись хорошо. Давайте придумаем, как ответить.

— Ну, можно ответить: я учился неважно, но прилагал максимум усилий, чтобы учиться лучше.

— И это соответствует истине?

— Не совсем.

(Оживление в классе. Предлагаются варианты ответов.)

- Я учился как мог.

(Снова смех.)

ВЕДУЩАЯ. А вы бы как ответили Илье? Или вам легче? Вы были отличником?

ПАПА ИЛЬИ. Нет, я отличником не был. Нигде и никогда. Всегда в серединке был. Если откровенно, то я затрудняюсь ответить моему сыну на этот вопрос. Потому что всегда стараешься ответить откровенно, чтобы не терять доверие ребенка. И здесь, наверное, нельзя солгать. Конечно, можно обойтись без воспоминаний о том, каким ты был в таком же возрасте, как сын. Я помню, что, когда был маленьким, мало значения придавал тому, какими были мои родители в детстве. Я смотрел, какие они сегодня. Так что эти аргументы на детей, наверное, мало действуют. Какой ты был лет двадцать назад — это для них бездна времени.

ПАПА АЛЕШИ. И еще! Когда я говорю, что я был таким-то — это звучит, как нотация. А ведь это никому не нравится, детям — тем более. Да, наши дети подражают нам, взрослым. Это бесспорно. И все же! Как быть с нашим личным детством, с нашим прошлым? Теперь стало чуть ли не педагогической нормой не ссылаться на свое прошлое, — дескать, это звучит, как нотация. Нет, наше с вами личное прошлое, каким бы оно ни было, не помеха в общении с ребенком, а скорее наоборот. Только прошлое это должно быть живое, эмоциональное. И разве нам неинтересно вспоминать и первого друга и первого врага? За что мы любили и за что ненавидели. И свои удачи, и свои промахи. И, может быть, свою первую любовь. Почему перед своими детьми мы часто надеваем какую-то маску непроницаемости? И в то же время требуем от них откровенности. Да разве наш девчоночий или мальчишеский опыт не нужен им? Скажите, перед кем еще нужно быть максимально открытыми, если не перед своими детьми? Кому мы еще можем быть так интересны?

Может быть, наши дети нередко совершают ошибки точно такие же, какие совершали мы, потому что совсем не знают нашего жизненного опыта? Живого опыта! Со многими противоречиями, вопросительными и восклицательными знаками. Мы-то, оказывается, тщательно скрывали его от них. Зачем?! Почему?

ВЕДУЩАЯ. Уважаемые родители, скажите, ваши дети задавали вам трудные вопросы?

МАМА ДЕНИСА. Денис спросил: почему я не могу жениться на собственной сестре? Я, помню, что-то такое говорила, говорила... В общем, замяла этот вопрос. Я действительно не знаю, как на него ответить.

ВЕДУЩАЯ. А дедушка?

ДЕДУШКА ДЕНИСА. А я всегда посылаю к папе. (Взрыв смеха.)

ПАПА АЛЕШИ. Вчера Алеша меня пытал о том, как Земля кружится вокруг Солнца. Почему есть день и ночь, почему зима и лето? Вот такие астрономические сведения вытягивал.

(В классе — тишина. Все повернулись в сторону Алешиного папы. Удивительными все-таки были эти переходы от смеха и шума к тишине, к сосредоточенности. От всезнающих, самоуверенных — к чутким, умеющим понимать, задумываться, слушать и слышать друг друга людям. А ведь перед ними не было ни знаменитого педагога, ни врача, ни писателя. И еще неизвестно, слушали бы они их так, как слушали всем им хорошо знакомого и, оказывается, совсем незнакомого Алешиного папу.)

Я его попросил притащить мяч и на мяче нарисовал все: точку — это наш дом, две полосочки — нашу улицу. А потом начал крутить мяч вокруг лампочки, и, в общем-то, он понял, как мне показалось, что к чему.

ВЕДУЩАЯ. Интересный прием, правда? И так, наши дети идут в школу. Вот самое главное событие, которое у нас с вами сейчас происходит. И мы готовимся к школе, наверное, не меньше, чем наши дети. В связи с этим такой вопрос: какой бы вы хотели видеть учительницу ваших детей?

МАМА АЛЕШИ. Мне хотелось бы видеть ее не молодой, а пожилой. Чтобы она была опытной, потому что на своем примере и на примере сотрудниц я вижу, какие мы все дерганые, беспокойные...

ВЕДУЩАЯ. Получается, что молодые — беспокойные, а пожилые — спокойные?

— У них опыт. Я недавно говорила с одной пожилой учительницей, и мне очень понравилось, как она разговаривает. Тут же стояла молодая учительница, и я чувствовала, что она, разговаривая, все время спешит. Ей некогда, у нее не хватает времени...

МАМА АРТЕМА. Она могла бы быть и молодой, но энергичной женщиной. И чтобы она могла много времени уделять детям.

ВЕДУЩАЯ. А теперь этот же вопрос давайте зададим детям.

ОЛЕГ. Я хочу видеть свою учительницу хорошей, доброй. Потому что плохих учительниц я сразу определяю по лицу и по тому, как они относятся к ребятам.

ПАВЛИК. Я хочу, чтоб она была добрая, спокойная... Не суматошная, не сумасбродная.

ВЕДУЩИЙ. Что это за слово такое, Павлик, «сумасбродная»?

— Это когда она из-за чего-нибудь небольшого переполох устраивает. (Такого смеха, какой возник в этот момент, в классе еще не было).

Ну а если серьезно проанализировать то, что сказали о будущей учительнице родители и их дети? Не показалось ли вам, что в коротких монологах мам об учительнице была озабоченность: отдать детей в крепкие и надежные руки.

В то же время дети в своих непосредственных высказываниях были гораздо точнее и конкретнее. Они смело проецировали свои будущие отношения с учительницей, выдвигая перед ней, если хотите, определенные требования. Олег, например, считает, что она должна быть не «молодой» или «пожилой», а, в первую очередь, доброй. Потому что он уже научился узнавать недобрых. Мальчик как бы предупреждает свою будущую учительницу, что если она будет недоброй, то не только ему, Олегу, будет плохо с ней, но и ей будет плохо с ним, с Олегом. Мысль Павлика еще конкретней. Для него главное в будущей учительнице, чтобы она «из-за чего-нибудь небольшого переполох не устраивала». Ему очень важно, чтобы она чувствовала и понимала главное. Иными словами - верила бы в Павлика. Вот вам два четко сформулированных требования к будущим педагогам: они должны быть добры, уметь чувствовать главное в человеке.

Хочется рассказать одну историю, которая произошла много позже, уже в школе, той, где будут учиться наши маленькие герои.

Ежедневно почти на каждой перемене можно было увидеть, как высокого роста юноша, кажущийся еще более высоким среди первоклассников, захлеб играет с малышами. Они

буквально висли на его руках и ногах, а он шутил «расправлялся» с ними. Вокруг стоял смех, визг, все хотели испытать силу Димы.

Можно было видеть и другое. Как Дима разговаривает с ребятами, как они рассказывают ему о только что прошедшем уроке, об отметках, об учительнице.

Но самое, пожалуй, удивительное было в том, что не только Дима был в курсе жизни ребят, но и ребята знали, как идут дела у Димы. Например, какую отметку он получил за контрольную по алгебре или геометрии.

Это они прозвали Диму «химиком», потому что Дима часто приходил к ним с учебником химии, которая ему давалась не просто. И Дима не скрывал этого от ребят. Наоборот, он учил химию у них на глазах, читая вслух и как ни странно, находя очень внимательных слушателей. С гордостью знакомили ребята своих родителей с Димой: «Мама, вот наш Дима!», «Бабушка, смотри, мой Дима пошел!»

Мы тоже заинтересовались юношей. Был он десятиклассником. Формально никакого отношения к первоклассникам не имел: ни пионервожатый, ни шеф, ни наставник. Ходил к ребятам по своей собственной инициативе, вызывая этим полное недоумение своих одноклассников: «Неужели тебе с ними интересно?!»

Классный руководитель Димы — учительница литературы была о нем высокого мнения.

«Очень любит детей. Просто поразительно, как любит. И они к нему липнут. Пишет неплохие стихи. В коллективе пользуется уважением. Пожалуй, он один из тех, кто твердо знает, что ему нужно в жизни. Будет поступать в педагогический».

— Как вы думаете, — спросили мы ее, — Дима поступит в институт?

Учительница задумалась. «Будет очень обидно, если не поступит, — ответила она. — Вот если бы в педагогический был настоящий творческий конкурс...»

Дима в институт не поступил. Не добрал до проходного балла. Действительно обидно.

ВЕДУЩАЯ. Как вы считаете, как будут учиться ваши дети?

МАМА ИРЫ. Если заставлять, будет хорошо учиться.

— А как Дениска будет учиться?

МАМА ДЕНИСА. Ой, он будет, наверное, очень переживать. За все. За отметки.

(Тоже нелегкая проблема — проблема первых отметок. Давайте проверим, ощущают ли ее так же наши дети.)

ВЕДУЩИЙ. Илья, как ты будешь учиться?

— Я думаю, на пятерки.

— Почему?

— А потому что мама говорит, что у меня голова хорошо работает.

— А сам ты тоже так думаешь?

— Угу!

ВЕДУЩИЙ. Артем, тебе трудно будет учиться в школе?

— Я считаю, что мне не трудно будет учиться в школе.

— Почему?

— Потому что я уже почти все знаю.

— Все, все? Давай проверим. К трем прибавить семь — сколько будет?

АРТЕМ (сощурил глаза, приложил пальцы ко рту и что-то забубнил. Затем переспросил)

— Наверное, к семи прибавить три — это одно и то же?

(Так. Выиграл время.)

— Одно и то же, правильно. Но сколько же получается?

— К семи прибавить три? (А сам считает, считает...) К семи прибавить...

(Не успеваю повторить условие задачи.)

— Десять!

— Правильно! Молодец! Ты действительно уже очень много знаешь. А есть что-нибудь такое, чего ты не знаешь?

— Почти нет!

ВЕДУЩАЯ. Представляем ли мы себе, какая колоссальная работа предстоит нашим ребятам? Попробуйте угадать, я держу пари, что не угадаете, сколько тетрадных страниц им предстоит заполнить за свой первый учебный год.

ПАПА ИЛЬИ. Я даже не хочу рисковать. Не знаю.

— И все же попробуйте прикинуть.

— Не знаю. Ну, уж во всяком случае, не больше сотни...

ВЕДУЩАЯ. Не больше сотни? Представьте себе - семьсот! А прочесть сколько страниц им предстоит в общей сложности? Учебники и внеклассное чтение?

МАМА ИЛЬИ. Если семьсот написать, то уж, прочесть, конечно, не меньше.

ВЕДУЩАЯ. Тысячу!

(Все родители искренне удивлены, все активно обсуждают полученную информацию. Все, кроме одного папы, сидящего на последней парте. Именно к нему и обратилась ведущая.)

ВЕДУЩАЯ. Валерий Павлович, а как вы к этому относитесь?

— Я, простите, прослушал.

— Вы были невнимательны? Павлик случайно не перенял от вас эту черту — невнимательность?

— Я прослушал, думая о своем...

(Валерий Павлович даже немножко покраснел. И сразу стал похож на школьника, которого на уроке застали врасплох.)

ВЕДУЩАЯ. Да, я заметила, что вы еще утром, когда пришли в студию, уже работали, какие-то записи вели...

— Мне надо срочно работу сегодня сделать.

(На экране появляется Павлик.)

ВЕДУЩИЙ. Павлик, как ты будешь учиться?

ПАВЛИК. У меня очень плохая память.

— Почему ты так решил, Павлик?

— Ну, я забегаяюсь и, бывает, забываю все.

— Павлик, ты же в шахматы хорошо играешь... Значит, у тебя память хорошая.

— Ну, средняя такая.

— Средняя — уже не плохая. А знаешь, какие нужно делать упражнения на память? Идешь в детский сад, спрячь камушек где-нибудь по дороге. А когда обратно домой пойдешь, должен вспомнить про него...

— Ну, это просто. А вот было такое задание: сделать палочки на верхней строчке, отступив от верха две и сбоку — две. Здесь нарисовать три палочки, а расстояние у них - одна клетка. И еще вот так (Павлик все показывает руками) и здесь такие черточки. А через строчку — палочки. Ну вот. Я это все, все сделал. И внизу такие ворота. А окна забыл. Вспоминал вечером, вспоминал... Не мог вспомнить. (И такой горький-горький вздох. Валерий Павлович больше не работал. Он смотрел на сына, внимательно слушал его. И столько было в его глазах любви и готовности помочь! Деловые бумаги лежали уже в стороне...)

Нам стало известно, что в этот вечер ученый-физиолог Валерий Павлович Лебедев удачно завершил серию очень важных научных опытов.

Не менее важное событие произошло в этот день и в жизни его сына Павлика Лебедева. Он проиграл партию в шахматы и впервые не заплакал, а предложил сопернику сыграть снова. А сколько еще важных событий произошло в группе в тот день: разбился любимый цветок воспитательницы, Иру в игре выбрали учительницей, Артем признал себя неправым в очередной мальчишеской ссоре и многое, многое другое... Нет, ничего особенного мы не хотим сказать. Просто - как бы нам за всеми своими важными делами не пропустить не менее важных дел в жизни наших детей. Не пропустить бы!

Так закончился первый разговор в студии, а следовательно — на многих экранах телевизоров. Закончился... И начался снова. В письмах.

«Уважаемые товарищи! Как это верно замечено - мы часто приходим домой усталые, не интересуемся в достаточной мере внутренним миром ребенка, откладывая это «на потом», а это «потом» исчезает из нашего поля зрения, и иногда бесследно. Дети, приходя домой, хотят больше с нами общаться, но мы сами же и гасим эти порывы, и постепенно ребенок отдаляется от тебя. Уже в школьные годы мы спохватываемся, что потеряли контакт, что не понимаем друг друга, начинаем анализировать, на каком этапе это произошло и как это теперь исправить, иногда не понимая того, что упустили все сами при общении с ребенком в раннем возрасте.

Е. Захарова. Гор. Калининград»

«Уважаемые авторы передачи «Контрольная для взрослых»! Мне впервые в жизни захотелось поделиться с незнакомыми людьми о самом главном и непередаваемо важном для меня вопросе — о детях. Я поняла, какой ответственный период наступит в моей жизни, когда мой сын пойдет в первый класс. Мне 39 лет, имею двоих детей (дочери 19 лет, сыну 5 лет), у меня хороший муж, оба мы имеем высшее образование, коммунисты. Семью свою считаю благополучной, но не идеальной. И вот, когда я смотрю на свою дочь, то мне хочется сказать: не все в ней удалось, видимо, мало мы занимались ее воспитанием. Откровенно говоря, она выросла добрым человеком, в доме все лучшее старается отдать мне (отрез на платье, туфли, цветы, конфеты и т.д.). Но вместе с тем дочь очень ленивая.

Моя мама говорит, что мы ее избаловали, а мне кажется, что я была с ней, наоборот, излишне строга и не всегда справедлива. Может, поэтому она мне врет иногда. В общем, две черты ярко выраженные, которые меня больше всего угнетают,— это лень и вранье. Откуда это? Причем ни я, ни муж этими чертами не обладаем. Проанализировав воспитание детей в своей семье и в семье своих знакомых, я пришла к выводу — мало времени мы общаемся со своими детьми, Очень мало, Считаю, нет большего горя для женщины, чем не иметь детей. Но дети — это и мучение, когда не видишь в них того, что ценишь в людях. Мне всегда хочется, чтобы они поступали честно и хорошо.

Надо, чтобы по телевидению чаще шли передачи о воспитании детей.

Т. В. Лисанская. Гор. Краснодар»

«Эта передача оказалась «контрольной» и для нас. Мы в полном смысле слова участвовали в ней, пытаюсь ответить на те же вопросы, что задавались непосредственным участникам. Передача заставляет родителей взглянуть на себя со стороны: как они ведут себя, что делают, чтобы мир малыша стал интереснее и богаче. Наши дети — это будущие граждане нашей страны, они — будущие отцы и матери. Правильное воспитание — это наша счастливая старость, плохое воспитание — наше будущее горе, наши слезы, наша вина перед другими людьми, перед всей страной.

Семья Мецераковых.

С. Александровское, Ставропольский край»

Глава 2. ВЕРИТЕ ЛИ ВЫ В СКАЗКУ?

Длинный коридор на втором этаже старинного особняка, в котором давно и основательно расположился детский сад. Коридор ведет от широкой мраморной лестницы, мимо игровой комнаты, спален и упирается в массивную дверь с табличкой «Заведующая».

На стенах коридора висят в рамках детские рисунки, несколько потускневшие от времени, но все еще привлекательные — безымянные работы питомцев детского сада неизвестного года выпуска.

Вечер. Тишина. Слышны только шаркающие звуки, да изредка звякнет ручка металлического ведра... Идет уборка.

В открытую дверь игровой комнаты виден мужчина в деловом костюме, без обуви, в одних носках, который тщательно, с явным удовольствием трет суконкой половицу за половицей и без того уже сияющего желтизной дубового паркета.

В коридоре босая женщина орудует шваброй, время от времени переставляя ведра с теплой водой.

В конце коридора открывается дверь, и на пороге появляется крупная фигура женщины в белом халате. Женщина решительно направляется к месту уборки. Вот уже отчетливо видно ее лицо, которое по мере приближения приобретает какое-то угрожающее выражение,

— Не забудьте про спальни! Там полы, между прочим, тоже паркетные!

— Хорошо, — спокойно отзывается мужчина из игровой комнаты.

— Не беспокойтесь! Не забудем, — миролюбиво заверяет женщина, моющая пол.

— «Не беспокойтесь!»! Ишь, как рассуждают! Это, между прочим, — моя работа — беспокоиться! Куда уж тут понять! Сказки их, видите ли, интересуют! А мы тут, между прочим, не в сказке, а в жизни живем. По щучьему велению уборки тут не делаются. В общем, я сказала про спальни и, между прочим, что тут возражать!

(Как будто кто-то возражал...)

Если вы вдруг подумали, что прочли только что сценку из телепередачи, — это заблуждение. Сцена взята из жизни. Действующие лица: полотер — режиссер

телевидения Игорь Шадхан, женщина с ведрами — это я, журналист Светлана Волошина, а сердитая женщина в белом халате — заведующая детским садом.

Что же так вывело ее из равновесия? Вообще на этот вопрос ответить не просто...

Вот сейчас в конце коридора появится помощник режиссера, брезгливо, двумя пальцами несущая мне половую тряпку, и картина сразу изменится. Вернее, изменится тон «беседы», потому что помощник режиссера сделает следующее заявление: «А что это мы спальни мыть будем? Мы туда и не заходили ни разу! И вообще, между прочим, на время съемки вся бригада сняла обувь! А вот здесь мы вообще не ходили, и здесь никого из наших не было...»

И они с заведующей станут по сантиметрам делить и оспаривать границы территории, подлежащие уборке. Причем торг этот будет вестись в каких-то странно одинаковых формулировках, с упоением... Потом, наконец-то, будет достигнуто «взаимопонимание», и раздражение заведующей уляжется.

Впоследствии она с гордостью сообщит коллегам на одном районном совещании, что «приезжали тут на днях телевизионщики, съемки проводили в моем саду, пользы от их съемки — никакой, так я хоть заставила вымыть полы, ничего — вымыли как миленькие, хоть и упирались, между прочим...»

«Пользы от их съемки — никакой...» — вот где кроется главная причина раздражения заведующей! И выяснилось это еще утром. Когда автобусы с телевизионной аппаратурой въехали во двор детского сада, дверь оказалась на запоре. Затем, «гремя засовами», на пороге появилась «хозяйка» и объявила:

— Съежок не будет. Я не разрешаю.

— Позвольте, — удивился режиссер, — ведь у нас с вами договоренность. Ведь вы же охотно согласились с тем, что ваш детский сад будет базовым на все время работы над циклом?

— Ну и что?

— Может быть, в детском саду карантин? — цеплялась я хоть за какое-то разумное объяснение происходящего.

— Нет, ну и что?

— Но тогда объясните причину. И давайте, по крайней мере, войдем, спокойно поговорим. Не на пороге же!

— Входите! Но предупреждаю — как войдете, так и выйдете!

Мы вошли. И нам объяснили вот то самое главное: «Пользы от их съемки — никакой...» Потому что в первой передаче, которая вышла в эфир накануне, «было что угодно и как угодно, кроме работы самого детского сада, и, между прочим, никак не отражен огромный труд

коллектива воспитателей и обслуживающего персонала, а заведующая, между прочим, и совсем вроде не существует и не работает». И еще: если бы мы посоветовались со специалистами, то нам бы объяснили, что дать задание детям нарисовать портреты родителей произвольно — это безграмотно. «По методике дети проходят сейчас, между прочим, поясной портрет мамы и папы, и не карандашами, а красками, и, вообще, надо было снять урок родной речи, например, или утренник, который проходил, между прочим, вчера. Тогда бы работа детского сада была отражена как следует...»

В этом месте режиссер вдруг радостно и очень искренне воскликнул:

— Как это вы верно сформулировали!

Дальше польщенная заведующая продолжала свой монолог хоть и громким голосом (тихо она, по-моему, вообще говорить не умеет), но уже в миролюбивом тоне.

А я сидела и вспоминала всю нашу долгую и изнурительную работу. Как мы искали наиболее верный ключ к теме, как мы просматривали километры пленки, работы коллег, чему-то учились, что-то отвергали и дали себе клятву в том, что не проведем ни единой съемки мероприятия под названием «Утренник в детском саду», где так эффектно дети в белых гольфах и с яркими бантами на головах выступают перед родителями.

Надо сказать, я вообще панически боюсь бантов. Тех самых, которые больше детской головы, тех самых, из-за которых ребенка уже и не видно... Да, приступая к работе, мы решили: не отражать — а вглядываться! Не сообщать — а вслушиваться! И никаких «бантов»!

А сейчас эта женщина (которая не умеет говорить тихо), действительно, очень точно сформулировала, чего мы опасались и что происходит, когда мы снимаем «Утренники в детском саду». Снимаем вроде бы детей, снимаем даже очень крупным планом, а на самом деле — отражаем «успехи взрослых дядей и тетей», которые в данный момент демонстрируют «свою работу».

Заведующая детским садом спросила:

— Что конкретно вы собираетесь снимать сегодня?

— Верим ли мы в сказку,— прозвучал ответ режиссера.

— Которую сказку?

— Ее еще нет. Свою сказку сочинят сегодня дети во время съемки, если, конечно, захотят, на что мы очень надеемся. А вообще передача так и будет называться — «Верите ли вы в сказку?». Имеется в виду сказка, продолжением которой является жизнь. Мы хотим в передаче поговорить о том, как добро побеждает зло — в сказке и в жизни, о том, как может быть настоящим богатырем маленький мальчик — в сказке и в жизни, о том, какую роль играет честность — в сказке и в жизни... Конкретно — сегодня нам очень важно записать сказки, сочиненные самими детьми, что называется, у нас на глазах...

— А причем здесь детский сад? Съемки не будет! Я не разрешаю!

— Но почему?

— Потому... Потому... (Заведующая даже задохнулась от возмущения.) Потому что, между прочим, вы наснимаете и уедете, а уборку после вас нашим нянечкам делать! Труд уборщицы надо уважать! Вам этого не понять!

— Что вы! Очень даже понять,— на этот раз обрадовалась я.— В данном случае вопрос решается просто! Проводим съемки, а потом делаем генеральную уборку.

— Снимайте! Но только имейте в виду...

Что надо иметь в виду мы уже не слышали, так как молниеносно очутились в телевизионном автобусе.

Можно приступать к съемке: замок на двери детского сада открыт...

Сколько их еще будет, этих «замков», впереди! Хотя бы в школе, куда приведет нас судьба вслед за нашими маленькими героями.

Решили снимать эпизод о том, как круглая отличница совершает очень недобрый поступок и как ее пятерки сразу теряют значение. Замок: «Школу девочка вполне устраивает, не делайте из мухи слона!»

Собираемся взять интервью у девятнадцатилетней учительницы, которая робеет перед родителями. Замок: «Возьмите опытную, которая не робеет».

Хотим показать, как трудно вести урок математики, когда один из сорока первоклашек сидит под партой, другой снимает ботинки с натруженных на перемене ног, третий зачарованно смотрит в окно... Замок: «Значит, по-вашему, класс неуправляемый? А мы ведь далеко не на последнем месте в районе по успеваемости!»

Один и тот же испуг перед тем, как бы не вынести «сор из избы», одна и та же забота о ложно понятом «авторитете коллектива детского учреждения»...

ВЕДУЩИЙ. Илья, говорят, что ты сам сочиняешь сказки?

— Да, сам!

— Расскажи какую-нибудь сказку.

— Я расскажу половину одной сказки, а другую половинку, которую потерял, прямо сейчас придумаю.

— Будешь сочинять прямо у нас на глазах?

— Да.

— Ну давай, слушаем.

— Жили-были старик со старухой. Было у них много баранов. А один баран был чего-то грустный такой. Потому что сына у него не было.

Один раз приходит он домой из леса и видит маленького-маленького барашка. Обрадовался он очень. А вот почему он весь желтый может, даже золотой, — не знал. «Пусть маленький баран в лес пойдет, прогуляется», — думает баран. И сказал маленькому барашку, чтобы он пошел гулять в лес. И барашек пошел в лес. Идет он, идет, видит — уже поздно, темно... Ночь начинается. Испугался он и... побежал.

А старуха не знала, что ее муж — леший.

А леший знал, что барашек золотой. И если его сжить со света, то будет очень много денег, если он продаст его королю.

Взял леший, ну, то есть старухин муж, нож и сказал: «Пойду прогуляюсь».

А старуха видит — что-то не так, что-то от нее муж скрывает... Она была смелая, взяла веревку-канат и набросила на старика. А тут вдруг все козочки и барашки стали ей помогать, потому что они-то знали, что муж леший, а сказать не могли.

(Слушая Илью, я готовил вопрос, на который, мне казалось, он не сможет ответить.)

— Илья, а про что ты хочешь сочинить сказку? (Задумался Илья. Пытаюсь ему помочь.)

— Я имею в виду, Илья, не просто то, что случилось в сказке: леший, золотой барашек, а вот про что будет сказка?

ИЛЬЯ (переспросил: "Про что?") И очень спокойно, несколько снисходительно объяснил). Про что... Ну вот какая может быть человеческая доброта и какое человеческое зло!

(В классе, где, как обычно, сидели родители, воцарилась длинная пауза. Ответ Ильи озадачил взрослых людей.)

ПАПА АНДРЕЯ. Да, дети, познавая окружающий мир, порой сталкиваются с негативными явлениями: пьянством, нецензурщиной, воровством. Так что я лично своего сына к существованию нехороших людей давным-давно подготовил.

МАМА КАТИ. А как вы его готовили?

— Так прямо и говорил. Лежит пьяница у ларька - я и говорю, что это плохой человек, он всем доставляет неприятности, да и сам как свинья. Да еще добавлю: смотри, какой он противный.

(В классе шум. Явно, что далеко не все одобряют такой метод.)

ВЕДУЩАЯ. Мне кажется, что вы передаете сыну в достаточно категорической форме свои оценки и не заставляете его задуматься. Может быть, к оценкам пусть он приходит сам?

МАМА ИРЫ. А может ведь и так случиться, что ваш сын узнает очень неплохого человека, но который, к сожалению, пьет?

ПАПА ОЛЕГА. Мы, по-моему, все смешали в кучу: людей и поступки. А к дурным поступкам, мне кажется, мы все относимся одинаково. Однозначно.

ПАПА АЛЕШИ. Вот это правильно!

ПАПА ИЛЬИ. Сложно все это. Мы же по поступкам судим о людях. Но так безоговорочно выносить оценки я бы не стал. Вы меня простите, но вы передаете сыну свою жестокость. Сделает ли это его лучше? Не уверен.

ВЕДУЩАЯ. Вот тут у меня есть письмо. Оно как раз о том, что столкновение маленького человека со злом может его сделать хуже, а может - и лучше. Послушайте:

«К моему сыну недавно подошли трое мальчиков и попросили покататься на велосипеде, и больше мы велосипеда не видели, его угнали. Я считаю, что это уже

тревожный сигнал, тем более что ребятам было 8-9 лет, это во-первых, а во-вторых (и главное) — сразу встала проблема, как мне вести себя с сыном по этому поводу...»

ПАПА ИЛЬИ. И у меня угнали велосипед... Тоже было.

ВЕДУЩАЯ. У вас или у Ильи?

— У меня. Мне было пятнадцать лет. Для меня было такое счастье — велосипед, и вот мою любимую вещь... Тоже попросили покататься... (вздыхнул искренне, обиженно, как будто это случилось вчера).

ВЕДУЩАЯ. А вы не попросили родителей купить второй велосипед?

— Знал, с каким трудом им достался первый, поэтому не мог попросить второй.

ВЕДУЩАЯ. Сейчас мы все более или менее обеспечены и можем, наверное, купить второй велосипед. Иногда, правда, мы балуем своих детей за счет маминого нового платья или папиного костюма, но, в общем, у наших детей много вещей. И можно позволить себе купить второй велосипед. Но — надо ли?

ПАПА АНДРЕЯ. Вопрос, по-моему, не в этом, а в том, как отнесется к происшедшему ребенок.

МАМА ИЛЬИ. Ведь не будет же говорить теперь мать: больше не давай никому кататься!

ПАПА ОЛЕГА. Если бы у Олежки пропал велосипед, то я бы объяснил, что, к сожалению, есть еще в нашей жизни воры. Купить другой велосипед? Я непременно бы это сделал, сказав: давай его ребятам кататься так же, как давал, потому что в большинстве люди хорошие.

МАМА ЮЛИ. А если снова украдут?

— Ну и что? Да, есть плохие люди, но нельзя подрывать у детей доверие ко всем.

ВЕДУЩАЯ. Владимир Константинович, а ваше мнение

ОТЕЦ АЛЕШИ. Доверие к людям, по-моему, — большое дело Я, наверное, постарался бы утешить сына и сказал ему, что он от этого хуже не стал, а вот тот, кто угнал этот велосипед, от этого стал, конечно, хуже.

ВЕДУЩАЯ. Теперь, в заключение нашего непростого разговора, хочу прочесть мнение автора письма: «Я сначала ругала сына за то, что, не зная ребят, он дает им велосипед. Потом себя же корила за это. Почему, собственно, он не должен дать человеку то, что тот попросил? Ведь так можно дойти до чего угодно! Значит, в будущем мой сын, не зная человека, может дойти до того, что не придет к нему на помощь».

А что думают по этому поводу телезрители?

«Уважаемые авторы передачи «Контрольная для взрослых»!

Вашей передаче жду с нетерпением, хотя мой сын уже, к сожалению, не первоклассник. В чем-то согласна с вами, а иногда хотелось и поспорить с родителями. Передача, где шел разговор о доброте и украденном велосипеде, у меня вызвала много воспоминаний о детстве своего сына. Я тоже хотела, чтобы у сына было много друзей и чтобы он был добрым. Очень поощряла сына, если он давал поиграть игрушки своим товарищам. И он не жалел, все отдавал. Сейчас сын уже взрослый, а отдавать свои вещи друзьям стало у него привычкой. В результате — свитер у Левы, «дипломат» — у Юры, удочка — у Леши, куртка - у Саши, спальный мешок — у Вали, палатка, рубашка, спортивный костюм, пластинки, пленки тоже у кого-то. Напомнить кому-то из ребят хотя бы через полгода, что пора вернуть вещь, сын считает неудобным. А ребята пользуются его простотой. Считаю, что надо было мне когда-то его остановить.

Вы обсуждали вопрос об украденном велосипеде. Я бы, наверное, поступила иначе, чем ваши родители. Надо своему сыну объяснить, что это не просто шалость, а воровство. И оно наказывается. И, может быть, нужно было обратиться в милицию.

Сыну от этого — урок, он поймет, что воровство не поощряется. Да и тому, кто украл велосипед, тоже урок. Я так думаю.

Е. Н. Сафронова. Гор. Киров»

«Здравствуйте, дорогие товарищи!

Жаль, что телевизор не имеет обратной связи.

Вот вы в передаче осветили вопрос о том, как поступать после «увода» велосипедов. Конечно, приятно, что все родители высказались, в общем-то, правильно — что все равно нужно доверять другим детям.

Но это одна сторона вопроса. А есть еще и другая и, по-моему, не менее важная. Очень многие дети дают велосипед (и многие другое) не по своей доброте (как это кажется родителям), а в обмен на что-нибудь, т. е. по принципу: ты мне — я тебе; или просто из боязни перед более сильным; многие боятся прослыть у своих друзей жадными. Вот когда кажущаяся доброта является скрытым пороком.

Однажды у себя во дворе я видела, как соседский мальчик Миша (13 — 14 лет) упорно и настойчиво не давал свой велосипед, когда у него так же упорно и настойчиво просила целая компания ребят. Среди них были и его знакомые, и какие-то незнакомые, развязные, с сигаретами, лохматые. И вот Миша не побоялся этой ватаги и вступил с ними в спор. А потом этот же Миша вступился за девочку, его соседку, один против троих ребят. Девочка Женя должна была пройти к другому дому, и вдруг откуда-то эти ребята начали бросать в нее камни и не пропускали дальше. Миша случайно оказался во дворе, увидел это и, не раздумывая, выступил вперед Жени и стал прогонять их и ругать. Замечу, что те ребята были не младше его.

Вот такие поступки, по-моему, являются примером для подражания.

Анна Чернова. Гор. Ташкент»

«Уважаемые товарищи!

С интересом смотрели ваши передачи «Контрольная для взрослых». За это время полюбили ребят и их родителей.

Много появилось вопросов и проблем.

Хочу ответить на поставленный родителями вопрос: «Что делать, если ребенок дал игрушку (велосипед) незнакомому мальчику, а тот не вернул (украл)?»

Мы обычно думаем о том, как воспитать своего ребенка, забывая о всех детях.

Покупать новые игрушки вместо потерянных или, тем более, украденных, даже если материальное положение позволяет (а это не всегда бывает), есть большое зло

1. Зло для ребенка, который не умеет беречь вещи, потому что они появляются «по щучьему велению», без всяких усилий, стоит только сказать «хочу». Надо беречь свои вещи и учить детей этому, чтобы на работе, став взрослыми, они не ломали, не теряли, не портили с легким сердцем порученные им вещи (оборудование): ничего, мол, со склада дадут новое, а это спишут, нечего мелочиться.

2. Зло великое и для того ребенка, который украл. Если ему это однажды удалось, значит, этот поступок — не последний. Мы воспитываем вора, не желая прослыть скупыми, жадными, мелочными.

Ребят (не только своих, но и чужих) надо ограждать от возможности нас обмануть, перехитрить, обворовать.

Н. Д. Ларионова. Гор. Киев»

«Здравствуйте! Пишут вам из города Железногорска Иркутской области. У нас растут три сына — Славик, Саша и Толя. Родительский опыт у нас небольшой: старшему сыну Славiku пять лет, Саше — четыре года, а Толе — два. Я мама молодая: мне всего 24 года, мужу 28. Сегодня мы смотрели передачу «Контрольная для взрослых».

Речь шла об угнанном велосипеде. Как вести себя в такой ситуации? А мне бы хотелось задать обратный вопрос. Как вести себя, если велосипед угонит ваш сын или дочь? И не обязательно велосипед. Принесет в дом чужую игрушку, картинку. Принесет, потому что у него нет, а он хочет. Бежать искать ему то, что он захотел? Отправить возвратить? Сделать то и другое? Как бы вы поступили?

Славику было года три, когда он из яслей принес кубики. Может, стоило бы не в столь резкой форме объяснить ему, что и как. Но я заставила его одеться и унести все обратно. Он оделся, вышел и стоял в подъезде. Когда я подошла к нему, он плакал. Я спросила, почему он не отнес. Славик же, плача, сказал, что боится. Но я настояла на своем. Он унес и пока такого повторения не было.

Когда к нашим детям приходят гости, их сверстники, мы их, конечно, чем-то угощаем. Если это время обеда, то они обедают вместе с нами (и это, по-моему, им очень нравится). Но вот не перестарались ли мы в этом? Славик угощает их сам и порой отдает все, что есть (я имею в виду сладости). Часто приходит с улицы, набирает что-то и уносит. Как быть в таком случае? Как отнестись и к обещаниям (порой несбыточным) что-нибудь подарить? Например, Славик пообещал подарить голубя. Кое-как мы ему объяснили, что прежде, чем что-то подарить, нужно посоветоваться с нами. Так как это не только твое, но и наше.

Н. Л. Комова, В. А. Комов»

«Уважаемые авторы передачи «Контрольная для взрослых»! Сегодня смотрела передачу о детях, в которой вы вели разговор о том, как быть, если у ваших детей «уводят» вещи. Я воспитала сына и, ох, досталась же мне из-за его «потерь»!

Каждый раз, конечно, переживала очень, уговаривала сына и отца (почему-то отец всегда считал, что сын виноват, если у него тащат), что вещь еще как-нибудь купим. И покупали! Мужу я говорила, что, конечно, жаль, что сын такой растеряха, но я предпочитаю иметь растеряху, нежели такого, который бы приносил в дом чужие вещи.

Так что, дорогие молодые папы и мамы, не очень огорчайтесь, если у ваших детей «уведут» что-то из вещей, и не внушайте им, что вокруг пьяницы и воры! Дети наши вырастут и сами разберутся, где добро и зло.

Важно вырастить честного и доброго человека, а вещи — что! Те, кто их таким путем приобретает, сами понимаете, немногочисленны.

У нас сын стал офицером, и мы гордимся им. Я знаю твердо, что чужое он не возьмет, ну а свое теряет да сих пор: так и не понял, наверное, что надо в людях разбираться. Хотя и у меня в 45 лет даже еще бывают случаи, когда человеку поверишь, дашь что-то, а он не вернет...

Такая уж привычка воспитана с детства — верить людям.

(Фамилию мою не называйте)

Гор. Свердловск»

...А в телевизионном классе только что с доски-экрана прозвучала сказка, на этот раз придуманная и рассказанная Юлей. На вопрос: «О чем же твоя сказка?» — Юля ответила так: «Крокодил, который ехал на коне, не упал бы и не разбился, если бы знал, что нельзя бить коня за то, что конь устал и не может больше бежать».

ВЕДУЩАЯ. А я расскажу вам историю, которая произошла в вашем же детском саду. Одна мама пришла туда с работы за дочерью. В тот день она сильно ушибла руку. Вначале сгоряча не заметила, а к концу дня почувствовала боль.

Девочка гуляет, играет, вы все знаете, какие они вас встречают: взбудораженные, занятые своими делами... Мама говорит дочери: «Помоги мне, пожалуйста, сумку нести, у

меня рука болит». Дочка отвечает: «Ну, ладно уж, помогу...» Но мама вдруг передумала: «Спасибо, доченька, не надо, я сама понесу». И они ушли.

Эта мама присутствует здесь, так что она может, наверное, потом рассказать, почему так поступила. А мы выскажем свои предположения.

МАМА ДЕНИСА, Конечно, ребенка можно приказать, и он возьмет и понесет. А что этим добьешься?

МАМА АЛЕШИ. Да, я согласна. Понести-то понесет, но не осознает, что мать обидел. Конечно, мама поступила правильно.

МАМА АРТЕМА. Мне кажется, что мать поступила так потому, что в детях надо воспитывать умение чувствовать боль других. А если ребенка не интересует твое состояние, о какой доброте, участливости можно говорить?

ПАПА АНДРЕЯ. Это должно воспитываться в детях с младенчества. Потом поздно будет.

МАМА АЛЕШИ. Эта история должна иметь какой-то конец. Если девочка почувствовала, что огорчила мать, то, без сомнения, поступок матери имеет очень глубокий смысл. Человек оценивает свои ошибки только тогда, когда он их сознает.

- Кто же эта мама? Откройте, наконец!

МАМА СВЕТЫ. А дальше было так. Я взяла сумку, и мы пошли. Вижу, что Света очень переживает. Очень. Не знает, с какой стороны ко мне подойти. А я, знаете, с гордо поднятой головой шла. Хотя было обидно, что Света так поступила. Она, в общем-то, добрая, отзывчивая и внимательная девочка.

Прошли полдороги. И вдруг говорит: «Мамочка, дай я помогу тебе. Мамочка, мамочка!» Поговорили мы с ней. Дала я ей сумку нести.

ВЕДУЩАЯ. Вы дали дочери урок отзывчивости и доброты. Но часто ли мы так поступаем?

ПАПА ИЛЬИ. Я вот, например, раньше не был уверен, что Илья может чем-то пожертвовать. А сейчас вижу, что он заметно переменился к лучшему. Летом на даче он не раз приносил мне и маме малину. Крупные такие ягоды, сладкие. Дело в том, что я дальтоник, и он знает, что малину мне не найти. Ни одной ягоды сам не съест, все нам несет.

ПАПА ПАВЛИКА. Папе, маме... По-моему, это совсем не то, что, скажем, приятелю.

ПАПА ИЛЬИ. Я с вами согласен. Но это первый этап.

ПАПА ПАВЛИКА. Мой Павлик тоже дарил с радостью землянику, малину, а когда дело дошло до деревянного пистолета, который я предложил подарить соседскому мальчику... Этот пистолет мы с Павликом вместе сделали. (Отец Павлика вздыхает и покачивает головой.) Испытание было тяжелое, да!

Слово телезрителям.

«Уважаемые товарищи!

К вопросу о доброте. Прожила сорок семь лет, но не имею твердого убеждения на этот счет. Меня учили в детстве не брать чужое, не брать себе лучшее, не обманывать, уступать другим и прочее. И все это была очень хорошо, пока не вошло в соприкосновение с жизнью. Вот пример. Под лабораторией, где я работаю,— столовая. Дают апельсины. Все в рабочее время ринулись туда. Наши лаборантки часа два стоят в очереди, а дел в лаборатории все прибавляется. Их работу выполняю я. Потом они, наконец, являются с апельсинами. Для себя. Мне никто не купил.

В общем, апельсины мне, образно говоря, никогда не достаются.

Или другой случай. Ко мне с просьбой пришли два товарища с прежней работы — недобрые и невоспитанные люди, которые в прошлом не раз меня обижали. В этот раз они были в высшей степени обходительны и отменно вежливы. Ведь они в данном случае зависели от меня! Я рассудила так: не надо быть мелочной, не надо мстить, надо быть

выше всего этого. Их просьбу я выполнила со всей добросовестностью. Прошли годы. А я все размышляю над этими ситуациями. И думаю: может быть, это просто моя мягкотелость?

Дело в том, что корыстолюбие еще процветает. Я не хочу сказать, что все люди такие, но надо знать, с кем быть добрым и при каких обстоятельствах.

Л. Б. Ильченко.

Гор. Южнокоммунарск»

«Посмотрела вашу передачу «Контрольная для взрослых» и долго мучилась — написать или нет.

У меня двое детей 12 и 13 лет. Допустим, что мы с мужем привьем им доброту и щедрость, но что это им даст — не знаю. Сама я с такими качествами не живу, а мучаюсь. Мне самой противно, что меня так воспитали, что моей добротой беззастенчиво пользуются люди, которые живут только для себя, и им все равно, есть ли что у тебя, нет ли, лишь бы у них было!

Так что не давайте злу пользоваться вашей добротой.

А доброту, конечно, надо воспитывать. Это одно другому не мешает.

Коньшева. Гор. Нерюнгри, Якутская АССР»

ВЕДУЩАЯ. Очень тревожное письмо пришло от папы Леши:

«Уважаемые товарищи! Недавно мой шестилетний сын пришел домой совершенно расстроенный. Из его сбивчивого рассказа я понял, что во время прогулки он увидел, как женщина била собаку...»

(На доске-экране перед взрослыми участниками передачи появляется мальчик с короткой, совсем немодной стрижкой — челочкой. Лицо у него сейчас сосредоточенное, взгляд хмурый. В руке — зеркальце, которое он машинально все время поворачивает. От этого самого зеркальца бегают по хмурому лицу Леши солнечный зайчик. Увидел режиссер это, когда пленка уже была отснята. И обрадовался, что не увидел раньше. Наверняка попросил бы спрятать зеркальце в карман. И не было бы солнечного зайчика, который, видимо, не мешал, а помогал Леше.)

ЛЕША. Вижу, плохая тетка собаку ругает и бьет. Она такое говорила, что даже нельзя повторить. Я ей сказал: «Ну зачем вы это делаете? Нельзя же так поступать».

ВЕДУЩАЯ (продолжает читать письмо папы Леши). «Мальчик бросился на защиту собаки. И конечно же получил отпор: не суйся не в свое дело, молоко на губах не обсохло и так далее...»

ВЕДУЩИЙ. А ты не боишься вступать в спор со взрослыми?

ЛЕША. Нет. Не боюсь.

ВЕДУЩАЯ (читает). «Но главное — это не единственный случай встречи с плохими людьми-взрослыми. Я сам однажды видел, как он бросился на здорового парня, который рвал цветы. Сын стал кричать ему, что здесь нельзя рвать цветы, это пушкинские места...»

ВЕДУЩИЙ. Почему эти цветы нельзя рвать?

ЛЕША. Потому что они принадлежат только ему!

— Пушкину?

— Да.

(Сколько надо было понять и умом и сердцем, чтобы так просто и убедительно ответить! А главное — так поступить, как поступил он. А ведь этому человеку всего шесть лет!)

ВЕДУЩАЯ (читает). «Вот я и задумался: не надо ли, как говорится, притормозить пыл моего сына, не рано ли ему бросаться в бой, чтобы потерпеть очередное поражение? Но, честно говоря, даже не знаю, как приняться за дело». Что мы ответим папе мальчика Леши?

ПАПА ОЛЕГА. Я думаю, что «тормозить» не надо, надо просто объяснить сыну, что моральная победа все равно осталась за ним.

— Почему?

— Да потому, что он прав.

ПАПА ПАВЛИКА. А вы не думаете, что после двух-трех таких побед активная реакция затихнет? Будет человек проходить мимо какого-нибудь безобразия, и думать, что он умный, хороший и честный, а тот, кто безобразит, - нехороший, и тихо одерживать моральные победы.

ПАПА АЛЕШИ. А я подумал, что детям нужно дать понять, что не всегда добро побеждает зло. В сказках-то всегда добро побеждает, а в жизни... не всегда, к сожалению.

МАМА ИЛЬИ. А по-моему, со злом просто не всегда борются. Я считаю, что зло слабее добра. Просто добрых молодцев иногда не хватает.

ВЕДУЩАЯ. Владимир Константинович, вы бы хотели, чтобы ваш Алеша оказался на месте этого мальчика?

ПАПА АЛЕШИ. Я завидую отцу этого мальчика. Я хотел бы, чтобы мой сын поступал так же...

«Уважаемые авторы передачи «Контрольная для взрослых»!

Особенно меня заинтересовала проблема, как подготовить ребенка к встрече со злом. Моя позиция в этом вопросе вовсе не похожа на ту, которую заняли участники передачи.

Что же касается мальчика, который с открытым забралом бросается в бой со злом, то здесь надо вспомнить Сервантеса и его Дон-Кихота. Я с большим уважением отношусь к таким людям, они нужны обществу, так как не дают нам смириться, привыкнуть и недостаткам, порокам, плохому поведению. Но сами такие люди не способны бороться со злом, потому что они не понимают его причин. Они не видят за плохим поступком живого человека с его противоречивым внутренним миром, которому надо и помочь, а не только обличить, как носителя зла. Больше того, часто такие люди воюют с ветряными мельницами, принимая их за великанов, т. е. видят зло там, где его вовсе нет.

Итак, я считаю, что задача взрослых подготовить детей к жизни среди людей, людей разных и совсем не идеальных, научить понимать, что движет этими людьми. Что же касается борьбы со злом, то ребенка надо научить видеть в конкретном человеке лишь носителя зла, но не его причину. Т. е. в ребенке опять-таки, что вы не раз подчеркивали в передаче, нужно воспитывать доброту, любовь ко всем людям — «плохим» и «хорошим», хотя проявлять ее нужно по-разному,

Разумеется, я в чем-то не прав и прошу не винить меня за чрезмерную категоричность.

С уважением. Николай Федотов.

Гор. Москва»

«Дорогие товарищи, прошу принять мое дополнение к передаче «Контрольная для взрослых».

Мальчик, сделавший замечание женщине и молодым людям, морально прав, он достиг цели, он победил! Женщина и молодые люди ответили грубостью потому, что в душе-то они согласились с замечанием мальчика, поняли справедливость замечания и, наверное, никогда больше не повторят своих поступков. В этом моральная победа мальчика!

Грубость женщины и молодых людей была проявлена ими от внутреннего сознания правоты мальчика, собственной несправедливости и непристойности своих поступков. А сознаться в своей неправоте перед таким мальчишкой им не хватило воли.

П.Н. Аксенов. Гор. Пенза"

Так и строилась наша передача. Сказка и жизнь, жизнь и сказка. Телевизионная камера смотрит на Дениса.

— Денис, если бы ты поймал золотую рыбку, то что попросил бы у нее?

— Я? Я попросил бы кошку,— говорит Денис, и глаза его загораются.

— А почему у тебя нет кошки?

Глаза Дениса потухли:

— Мы живем в коммунальной квартире, и кошка может кому-нибудь не понравиться.

И вновь вспыхивают глаза:

— А у нас на даче кошка живет. Так за ней Норд (Норд, вероятно, имя собаки) погнался, а она — раз и очутилась на дереве!

— Денис, а ты умеешь подражать кошке?

— Как это?

— Ходить бесшумно, как кошка. Мяукать.

— Мяукать? Конечно, умею!

И раздалось мяуканье Дениса. Высокое и протяжное, оно длилось неимоверно долго. Казалось, что в это мяуканье он вложил всю свою тоску, Все свое желание и мольбу.

На экране большая кухня большой коммунальной квартиры. Там стоят самые разные стулья: старинные кожаные, деревянные резные, современные с железными спинками, табуретки.

На этих стульях, в креслах и на табуретках расположились детские рисунки, изображающие взрослых людей. Добрых и злых, веселых и грустных, молодых и старых. Именно этим людям, соседям по квартире, предстоит решить — быть или не быть у мальчика, которого, может быть, зовут Денис, кошке.

Сначала молчали. Потом кто-то сказал:

— Сегодня он захотел кошку, завтра захочет собаку, а послезавтра еще что-нибудь...
Ограничение - вот что воспитывает ребенка.

— Нет, только добрые ограничения воспитывают, а злые — никогда! — сказал человек, умеющий сочувствовать.

— А почему он вдруг захотел кошку? — раздался еще один голос. Он принадлежал, наверное, очень мудрому человеку. Потому что почти все сразу же стали вспоминать свое детство...

— Может быть мальчик хочет ухаживать за кем-то? Кормить? Растить? А то все ухаживают за ним, и никто не нуждается в его помощи...

— Интересно, а как он ее назовет? — сказал тот, кто еще в детстве очень любил «угадайки». Но его перебил совсем другой голос: — Представляю, что будет с обоями в коридоре!

И как-то сразу оборвались воспоминания о детстве, потому что все стали думать об обоях.

Верите ли вы в сказку? Мы — верим!

Глава 3. НАШИ ДЕДУШКИ И БАБУШКИ

«Здравствуйте, вы бабушка Кати? Можно к вам в гости?»
Примерно так начиналась каждая из двадцати трех встреч с дедушками и бабушками наших маленьких героев. Одним мы звонили по телефону, других «подкарауливали» у школы, куда они водили своих внуков-первоклассников, третьим отправляли письма. И ко всем напрашивались в гости.

— Здравствуйте, можно поговорить с бабушкой Олега?

— Простите, но профессора нет дома. Если вам не трудно,

позвоните в девять часов. Или я могу передать что-нибудь... Вы по какому вопросу? Действительно, по какому мы вопросу? Как это сформулировать коротко, да еще по телефону? «Наши дедушки и бабушки» — вот по какому мы вопросу!

— Здравствуйте, вы бабушка Оленьки?

— Нет, бабушка еще не пришла с работы, вы говорите с прабабушкой.

— Прабабушка?! Можно к вам в гости?

— Пожалуйста, только я сейчас уйду на работу, а вот вечером — милости просим. Как раз и дедушка приедет из командировки. Мы все будем рады гостям...

Старый-престарый дом в переулке Петроградской стороны Длинные, кажущиеся бесконечными винтообразные лестничные пролеты. Четвертый этаж. На звонок открывает дверь сухонькая старушка невысокого роста. Темно-синее платье с кружевным воротничком. Красивая стрижка совершенно седых волос. И вдруг — озорная улыбка:

— Что, дорогие гости, запыхались? Высоко мы живем? Наверное, думаете, каково мне в мои восемьдесят два? Но, знаете ли, если подниматься по системе, то не так уж и страшно: видите ли, пока соседи тратили силы на борьбу с жилконторой по поводу установки лифта, я разработала систему распределения своих сил при подъеме пешком. Это, знаете ли, очень просто, как в спорте. Вот бегуны на длинные дистанции — ведь у них продумано все: скорость, ритм, дыхание, комплекс движений. Ну, в общем, понимаете. Впрочем, я вас совсем заговорила, проходите, располагайтесь. Понимаете ли, я совершенно выпустила из виду, когда разговаривала с вами по телефону, что невестка — бабушка Оленьки — сегодня после работы должна пойти «на дежурство»: у внучки дела в

институте, а моей второй правнучке всего три месяца и ее надо понячить, пока зять — муж внучки — сводит Оленьку на занятие по музыке... Одним словом, вам придется побыть в моем обществе еще минут пятнадцать. Как раз и сын — дедушка Оленьки — вернется. Он приехал из командировки, но я отправила его за покупками в магазин. Вы пока можете оглядеться, я покажу вам нашу квартиру.

«Квартирка» состояла из двух комнат. В комнате прабабушки (она же гостиная) почти всю площадь занимал «инструмент, который выдержал все холода блокады и сохранил при этом вполне приличное звучание. Теперь Оленька приходит на нем играть». Кухня и комната детей были и того меньше, но зато «удалось выгородить» отдельный угол, где поместились стол, книжный шкаф и кресло. «Ведь это, знаете ли, очень важно — иметь в доме уединенное место для работы или если кому-то надо просто посидеть, подумать...»

И, видимо, уловив в моем взгляде оценку «квартирки», прабабушка живо возразила:

— Ничего, в тесноте, да не в обиде. Надо же было выделить внукам площадь, семья ведь разрослась.

В это время пришла невестка — бабушка Оленьки — и прямо с порога спросила:

— Мама, а где же ваша грамота? Ее непременно надо показать гостям!

И тут же стала объяснять, что в семье праздник, что у прабабушки трудовой юбилей, что Почетная грамота, которую вручили прабабушке на работе, совершенно замечательная.

— Вы прочтите, какие слова нашли люди! Вы посмотрите, им даже не хватило места!

Да, в типографии, где печатаются тысячными тиражами бланки для грамот, щедро украшенные алыми знаменами и «золотым» орнаментом, явно не учли, что живет на свете, например, вот такая прабабушка и что однажды она получит эту грамоту, в которой люди вместо стандартного «Благодарим за долголетнюю работу» захотят написать столько хороших искренних слов, что они не поместятся в отведенные специально для этого три пустые строчки...

Вскоре пришел из «местной командировки» сын - дедушка Оленьки — и принял активное участие в обсуждении вопроса: куда лучше всего повесить грамоту...

Все это время мы потихоньку наблюдали за прабабушкой. И хотя она с присущим ей мягким юмором и чувством собственного достоинства пыталась «прекратить хлопоты детей вокруг грамоты», все-таки скрыть, что ей эти «хлопоты» приятны, до

конца не могла.

Чувства же, которые на нее нахлынули в следующую минуту, прабабушка даже и не скрывала, настолько это было сильно и неожиданно, хотя внешне наша просьба ничего особенного как будто не содержала:

— Покажите, пожалуйста, если можно, ваши старые фотографии. Когда вы были молодой...

Эту сцену трудно забыть! Тем более, что она в вариациях повторялась потом в каждом доме, куда бы мы ни обращались со своей просьбой.

Фотографии извлекались из шкафов и с антресолей, из видавших виды чемоданов и старинных ридикюлей, из коробок из-под конфет, из полиэтиленовых мешочков, были завернуты в пожелтевшие газеты и перевязаны кокетливыми ленточками или простым шпагатом... Фотографии молодости! Наши дедушки и бабушки! До чего же вы все красивые на них!

Воланы и рюши, «тройки» и галстуки-«бабочки», косоворотки и сапоги гармошкой, ситцевые выходные платья и спортивные шаровары, подвенечные наряды и рабочие комбинезоны, буденовки и солдатские пилотки... Шинели... А какие у всех удивительные лица! И все это богатство почему-то не помещается в семейных альбомах с красивыми переплетами, лежащих зачастую на самом видном месте.

Мы приходили ненадолго, а отпускали нас часто за полночь. Так было и в тот раз. Провожать нас вышел дедушка Оленьки.

— Спасибо вам за все.

— Да нам-то за что спасибо?

— Скажу вам, как доктор, со всей ответственностью: вы сегодня продлили жизнь прабабушке, может быть, еще на несколько лет.

— Здравствуйте, вы бабушка Алеши? Можно к вам в гости?

Нет, в этот дом нас так и не пригласили. Сначала бабушка отговаривалась недомоганием, потом занятостью, а потом, после наших настойчивых просьб о встрече, в телефонной трубке прозвучало грустное: «Давайте лучше я сама приду к вам на студию».

Она принесла с собой фотографии. Разные. Много. Но мы взяли одну из них, да так и не расстались с ней на протяжении всего ее рассказа. Обыкновенная фотография, сделанная в послевоенный год. На снимке-открытке были запечатлены, склонив друг к другу головы, женщина в офицерской форме и мальчик в сером костюмчике «взрослого» покроя. Несмотря на несколько напряженную позу, им хорошо было вместе, они пришли сюда вместе, они уйдут отсюда вместе...

«Мы и сейчас живем вместе с сыном,— грустно рассказывала женщина, не по годам состарившаяся.— То есть, я хочу сказать, мы живем в одной квартире с сыном, но не вместе. Я не знаю, когда это началось, хотя думаю об этом каждый день. Я как бы потеряла сына, он чужой и далекий, мы не понимаем друг друга. Наверное, я была плохой матерью. По крайней мере, сын часто мне это говорит. Может быть, он прав, хоть это и жестоко.

Мой муж был военным служащим, а я всегда была рядом с ним. По профессии я врач, так что с работой для меня в любом месте было просто. Война застала нас на границе.

Хорошо, что сын был у родителей в Ленинграде. Впрочем, что значит — «хорошо»? Родители умерли в блокаду, а сын был вывезен с детдомом, и я его разыскала только после войны.

Первый день войны, даже первые часы войны. Меня с моими больными и первыми ранеными успели посадить в какой-то поезд. Мы медленно двигались сквозь взрывы снарядов, по чудом уцелевшей колее, а мимо нашего состава в другую сторону бежали бойцы с винтовками и автоматами наготове во главе с командиром, в котором я узнала своего мужа... Больше ничего не запомнилось из того первого дня войны.

Это потом я научилась не вздрагивать от звука разорвавшейся бомбы, тем более во время операций в госпиталях.

После войны, когда я разыскала сына, мы уже не расставались. Он ездил со мной везде, куда меня заносила судьба военврача. Я не знаю, когда это началось. Как-то так получалось, что я всю жизнь очень много работала. Проглядела... пропустила. Может быть, это случилось, когда сын обзавелся своей семьей. Знаете, с невесткой тоже надо уметь найти общий язык... Хотя, нет, не это главное. Я вот и внука как-то пропустила... Значит, теперь я еще и плохая бабушка».

Мы были знакомы с ее сыном: высокий, широкоплечий мужчина, приятные манеры, уверенный тон, хорошее образование... И, оказывается, способность хлестнуть женщину по лицу фразой: «Ты всегда была плохой матерью».

— Вы знаете, я недавно снова устроилась на работу. Правда, в больнице я уже работать не могу, вы, наверное, заметили мой слуховой аппарат. Но я нашла себе применение в аптеке — фасую лекарства. Хоть какую-то пользу приношу, чувствую, что кому-то еще нужна...

— Здравствуйте, вы бабушка Ильи? Можно к вам в гости?

— А чего ж нельзя? Можно.

— Когда можно?

— Да хоть сейчас...

Нажимаем кнопку звонка, и вместо привычного зуммера раздается какая-то музыка, затем залихватистый собачий лай, а потом добродушно-ворчливый голос: «Чего ты бушуешь? Это ж свои!»

На пороге женщина. Крепкая, с темным морщинистым лицом, в косынке, повязанной по-крестьянски.

Такое впечатление, что она только что вернулась с поля, где работала под палящими лучами солнца, и снова сейчас уйдет в поле, снимая на ходу большой цветастый домашний фартук...

— Заходите, люди добрые. Я ж тебе говорила, что свои,— говорит она, отодвигая ногой в сторону маленькую шустрюю дворняжку.— Она не злая, а так, для формы крик поднимает, вроде как защищает меня. Правда, я редко одна дома сижу. Готовкой занимаюсь по утрам, пока все спят, а когда все уходят на работу, я внука в школу отведу и пойду по магазинам или по общественным поручениям.

Не успела бабушка Ильи открыть старый школьный портфель, доставшийся ей, видимо, по наследству от детей, как в прихожей раздался громкий веселый голос:

— Тещенька! Ты дома? Кормить будешь?

— Чего ты кричишь? Тут люди пришли, собирают старые фотографии, им помочь надо!

На этот раз мы попали в дом, в котором бытовало множество семейных традиций, ритуалов, характерных словечек, до конца понятных только самим обитателям дома.

Например, громогласное «Тещенька, кормить будешь?» в переводе с «семейного», означало вовсе не то, что «тещенька» должна испуганно засуетиться и накрывать зятю на стол. Нет, зять, войдя в квартиру, всего лишь спрашивал, все ли члены семьи в сборе, потому что ужинать должны все вместе.

А когда «тещенька» откликнулась: «Тут люди пришли, им помочь надо»,— это означало многое. Во-первых, было сделано замечание зятю, который не заметил чужих пальто на вешалке и поэтому не приветствовал сразу гостей. Во-вторых, зятю сообщалось, что «собирать старые фотографии» — дело не пустячное. И, в-третьих, зять таким образом тоже приглашали принять участие в этом общем деле.

И вскоре не кто иной, как зять, слушая рассказ «тещеньки» о ее молодости, подсказал: «А ты покажи фотографию Ильи-старшего».

И мы получили эту замечательную фотографию! На ней были изображены пятеро ребят в пионерских галстуках, завязанных «не по-современному»: один из первых пионерских отрядов Москвы. Среди них была и «тещенька», а в центре стоял красивый парень в кожанке, с лихим чубом, выбивающимся из-под фуражки. Это и был Илья-старший — кумир детворы рабочей окраины, пионервожатый Илья, геройски погибший в сорок втором. Парень с московской рабочей окраины, благодаря «тещеньке», продолжал жить в этой семье. Она так умела помнить, так умела передать детям идеалы своей молодости, что, когда родился внук, решение в семье было единодушным: пусть мальчик носит имя Ильи...

Пришел с прогулки Илья-младший и позвал бабушку в ванную комнату, потому что из ботинок надо было «выхлебывать» воду. А нас водили по дому, показывая всякие

технические диковины: дверь открывалась автоматически, смеситель на кухне был какой-то хитрой конструкции...

Потом нас пригласили к ужину, который был без особой сервировки, но зато с фирменным блюдом - рассыпчатой картошкой, аппетитно дымившейся в центре большого стола, за которым весело и дружно расположилось семейство в полном составе.

А потом мы участвовали в кукольном представлении, где все были актерами и одновременно зрителями.

Когда же мы стали собираться домой, нам вручили по большому куску домашнего пирога — гостинец для наших ребят

Вот уже второй месяц мы ходим в гости. В этом сейчас наша работа. Идет подготовительный период телевизионной передачи под названием "Наши дедушки и бабушки». Можно ли его назвать трудным? На первый взгляд — нет. Действительно, что же тут трудного — в гости ходить. Правда, не каждое посещение приносит тепло и радость. Иногда приходится давать расписку, составленную по всем юридическим законам: «Взято у владельца такого-то для пересъемки фотографий в количестве столько-то штук такого-то формата с обязательством вернуть в целости и сохранности такого-то числа».

Приходилось встречаться с дедушками и бабушками и на «нейтральной территории двух враждующих держав» — родственников со стороны мужа или родственников со стороны жены...

Это — наша работа. Идет подготовительный период телевизионной передачи.

Сегодня я, Светлана Волошина, снова поздно возвращаюсь домой. Но в комнате мамы, конечно же, горит свет, и я знаю, что она не уснет, пока не встретит всех, не покормит... Сидим на кухне. Я ем, а мама смотрит на меня, задумчиво подперев щеку рукой.

— Мама, покажи мне, пожалуйста, свои старые фотографии, когда ты была молодой.

И вот на кухонном столе, извлеченные из старомодной сумочки и разложенные по годам-пакетикам, пожелтевшие от времени фотоснимки. В большинстве своем любительские. И рассказывает моя помолодевшая мама, как в 17 лет стала сельской учительницей и как в первый день ее работы ворвался в школу, которая помещалась в бывшем амбаре, пьяный махновец на коне и со страшными ругательствами стал размахивать шашкой... И тогда моя мама, девушка маленького роста с тихим голосом, вдруг не растерялась и громко скомандовала детям совсем по-военному: «Ложись!» И дети, как горох, посыпались на пол, спрятались под столы...

Я слушаю эту историю моей мамы и удивляюсь: почему она мне ее никогда раньше не рассказывала? Может быть, потому, что я не спрашивала? Вдруг мама прерывает свой рассказ и смотрит на меня как-то грустно:

— Почему ты именно сегодня заинтересовалась этими фотографиями и вообще моей молодостью? Зачем тебе это сегодня?

— Потому что я не позднее, чем завтра должна рассказать обо всем этом моему сыну.

Однажды, когда я, Игорь Шадхан, вернулся из очередной командировки и спросил у моей дочери-шестиклассницы, какие у нее успехи в школе, она протянула мне тетрадь для сочинений. Там стояла жирная пятерка. «Что я знаю о войне» — так называлось это сочинение. Подробно, один за другим в повествовательном тоне описывались памятники, сооруженные в Ленинграде и области защитникам города. Приводились строчки о блокаде. Цитировались стихи Ольги Берггольц. Сообщалось о том, что Шостакович написал свою 7-ю симфонию в блокадном городе... И еще много, много известных фактов. Все правильно и все удивительно неинтересно. И я представил себе, как дочь это писала, обложившись книгами, сборниками стихов, всевозможными справочниками. А ведь все могло быть иначе...

Перед ней мог лежать всего один документ — единственное письмо ее погибшего на фронте деда. Но, дожив до тринадцати лет, моя дочь даже не знала о существовании этого письма, хранящегося у ее бабушки.

Как же это произошло? Почему я ей об этом не рассказал? Думал, что еще рано, успею когда-нибудь? А почему бабушка не рассказала?

Я не только задавал вопросы, но и пытался ответить на них. Хотя бы самому себе. Вот взял да и обвинил во всем бабушку. Да разве только об этом письме она могла бы сообщить внучке? А она не рассказывает, потому что не знает, можно ли рассказывать об этом, не услышит ли она от нас с женой: «Хватит воспоминаний, мама». Здесь нет виноватых, кроме нас, взрослых, часто преуспевающих людей, перед которыми пока робеют дети и склоняют поседевшие головы бабушки и дедушки.

Вот так мы первыми отвечали на вопросы «контрольной».

Как же рассказать о том, что открылось тебе? Рассказать, чтобы так же взволновало, было услышано и понято.

Мы перебрали десятки вариантов, пока не возник естественный вопрос: если большинство из этих двухсот фотографий, лежащих сейчас на наших рабочих столах, такое долгое время были спрятаны в коробки, перевязанные ленточками, то, значит, внуки могли их никогда не увидеть?

Я объяснял художнику: снимать будем обязательно в самой большой студии. Она должна быть вся белой — белый фон, белые колонны, как можно больше «воздуха». Но это ни в коем случае не должно быть похоже ни на музей, ни на выставку! Фотографии должны жить в студии.

Я объяснял ведущему оператору: ту камеру, которая будет снимать детей «в глаза», нужно обязательно спрятать, чтобы она их ни в коем случае не отвлекала.

Как же все это оказалось не просто! И белый фон, который имеет десятки оттенков, а нужно выбрать единственно верный, и расположение фотографий, «чтобы они были, как живые люди», и особенно то, что касалось скрытой камеры. Нужно было с максимальной точностью рассчитать высоту щели, через которую предстояло вести съемку. А все ребята разного роста. И мы измеряли их рост, складывали, делили — искали оптимальный вариант. Одним словом, нужно было все предвидеть: и то, как дети пойдут, и как будут останавливаться, смотреть, и брать фотографии в руки...

— А можно ли расположить фотографии выше, чем могут ребята дотянуться? — спросил художник.

— Дотянуться? — переспросил я и вдруг понял всю значимость этого слова.

— Спасибо! Не можно, а нужно. В этом-то и весь смысл — чтобы дотянуться!

И перед глазами кадр: Илья или Олег, или Ира, в общем, кто-то из ребят взбирается на...

— На что они могут взбираться, чтобы все-таки дотянуться?

— На подставки-кубики. Они здесь будут кстати...

Каждая съемка — волнение. Но перед началом этой мы волновались особенно. И не только из-за того, верно ли «стоит свет», не остановится ли вдруг видеомэгнитофон, не выйдет ли из строя камера. В данном случае нас всех больше всего волновала сама ситуация, к которой мы были причастны не только как режиссеры, операторы, редакторы, а и как матери, отцы, дети...

Уже находясь на режиссерском пульте, слышу, как Светлана Волошина объясняет детям: «Видите фотографии? Это ваши бабушки и дедушки, когда они были молодыми. Найдите их!» И тут же принимает решение: «Первым пусть пойдет Денис!» Забегая вперед, скажу, что это было очень верное решение: все, что происходило в душе Дениса, все, что он чувствовал и переживал, удивительно выразительно отражалось на его лице и в его глазах. Шел семилетний мальчик Денис, рожденный в семидесятых, в далекие двадцатые, тридцатые годы. Шел в годы военные и послевоенные. Он встречался с людьми в красноармейских шлемах, в кожаных комиссарских тужурках, в пионерских галстуках и алых косынках. Как он смотрел на них! Как они смотрели на него! Казалось, что они

разговаривают. «Извините, но вы не моя бабушка и вы не мой дедушка, я пойду искать. Мне сказали, что они где-то здесь...» Вот, кажется, нашел! Осторожно снимает Денис фотографию — какое счастье на его лице! Вглядывается... Нет, это тоже не его дедушка! И сколько огорчения в глазах мальчугана!

Стоит в студии какая-то особенная торжественная тишина. И на режиссерском пульте — тоже. Съемка идет уже минут пятнадцать. У фотографий появились другие ребята. Они, так же как и Денис, вглядывались, задумывались, иногда прикасались к фотографиям руками, гладили ордена и погоны и искали, искали...
Найдут ли? Узнают ли?

А в то же самое время совсем в другой студии сидели те самые бабушки и дедушки и вели вместе со Светланой Волошиной «обычный житейский разговор».

ВЕДУЩАЯ. Уважаемые дедушки и бабушки! Скажите, как лучше жить: вместе с детьми или отдельно?

БАБУШКА ИЛЬИ. Я лично привыкла вместе. Я всю жизнь в коллективе и скучаю, когда у меня никого в доме нет.

ДЕДУШКА ОЛЕГА. А я считаю, что надо жить порознь. Лучше всего, когда ходят друг к другу в гости.

— Правильно!

— Потому что все-таки разным поколениям нелегко жить вместе. И лучшие отношения создаются тогда, когда изредка видятся друг с другом. Тогда нежные чувства не отмирают.

ДЕДУШКА ДЕНИСА. А я считаю, что надо жить вместе. Я вам объясню, почему. Какая-то у нас забота есть, что-то мы делаем, чем-то помогаем. Вот у меня дочь ни разу не взяла увольнительную, пока мы живем с ней. А ведь внуки болели много!

ВЕДУЩАЯ. А вот скажите, работающие бабушки (наверное, работающие и на службе, и по дому), почему вы не оставляете работу? Только ли заработок держит или еще что-то?

БАБУШКА ОЛИ. Интереснее, полнее жизнь, когда работаешь.

БАБУШКА АЛЕШИ. А я снова попала на работу, чтобы меня не загрузили другими внуками. Двое у меня уже есть, теперь еще и у сына появились двое детишек. Это же разорваться надо! Лучше уж на работу идти.

ВТОРАЯ БАБУШКА АЛЕШИ. И я бросила все и пошла работать. Считаю, что среди людей я ожила.

БАБУШКА ОЛИ. А у меня немало собственных интересов. Я с удовольствием хожу в филармонию или, например, на выставки. Я не хочу отстать от жизни и превратиться в старую бабку. Кроме того, у меня две дочери, мне не хочется обидеть, ни ту, ни другую семью, поэтому я лучше им материально буду помогать.

БАБУШКА ВТОРОГО АЛЕШИ. Я живу вместе с внуком, но у него еще есть, так сказать, приходящая бабушка. Дело в том, что когда Алеша стал учиться, невестка захотела, чтобы именно ее мама уделяла ему внимание. Ну я и говорю: пусть будет так. И потом, я считаю, что ребенка должен воспитывать кто-нибудь один, чтобы не было разнобоя. Вот поэтому я и пошла работать.

ВЕДУЩАЯ. Да, наверное, сложности возникают еще и оттого, что в дом приходит чужой человек — невестка или зять. И надо, чтобы сложились взаимоотношения с ними

ДЕДУШКА ДЕНИСА. Это во многом зависит от нас - дедушек и бабушек. Если мы будем, как говорится, людьми, то и зять будет хороший человек. А если мы будем плохими, то молодую семью можно развалить моментально. Я вам честно скажу: очень бы хотелось, чтобы все семьи жили так, как мы живем...

ВЕДУЩАЯ. А вот скажите, дедушки и бабушки, у вас одинаковые взгляды с вашими детьми на воспитание внуков?

БАБУШКА АЛЕШИ. Я далеко не всегда согласна с детьми, потому что внук у нас очень избалован. Захотел большую собаку — пожалуйста, захотел велосипед - купили. Но я

стараюсь не вмешиваться. Считаю, что гораздо лучше, если будут воспитывать папа и мама. Это их прямая задача, а бабушка может помогать только посильно.

БАБУШКА ОЛИ. У моих то же самое. Я беру свою Ольгу, иду с ней в игрушечный магазин и спрашиваю: «Что тебе купить?» А она так смотрит без всякого интереса: «Бабушка, мне ничего не хочется». Потому что у нее все есть. А радости от этого никакой нет. Ей уже все надоело.

ВЕДУЩАЯ. Интересно получается. Вы, оказывается, считаете, что родители балуют ребенка, вашего внука, а чаще приходится слышать этот упрек именно в адрес дедушек и бабушек. Не правда ли?

— Да, и мы балуем!

БАБУШКА АЛЕШИ. У нас еще и дедушка ох как балует! Он все разрешает внуку. Надо, например, Алеше телевизор разобрать — пожалуйста. Не пожалеет даже телевизора.

ВЕДУЩАЯ. Как вы думаете, какими представляют ваши дети идеальную бабушку, идеального дедушку?

— Чтобы мы все работали на них, вот какими! (Смех.)

— И материально еще помогали...

БАБУШКА ОЛИ. Не знаю, как бы я выглядела, если бы материально зависела от детей.

Тут речь идет не только о моих дочерях — у меня есть еще и два зятя, для которых я в общем-то чужой человек, как бы мы с ними ни сроднились.

БАБУШКА АЛЕШИ. Раньше было иначе. Со мной, например, жила старая мать. Пенсия у нее была маленькая, но разве я тяготилась тем, что она на моем иждивении? Это само собой разумелось. А вот современные дети, по-моему, стали бы в этом случае тяготиться нами.

ВТОРАЯ БАБУШКА АЛЕШИ. А куда нам деньги девать? Муж работает, я работаю, к тому же пенсию оба получаем... Вот и отдаем детям.

БАБУШКА ОЛИ. Ну, зачем же все деньги отдавать? Вы еще можете и попутешествовать...

— Да... куда я поеду? У меня — внуки!

— А почему вы своим детям не скажете, что хотите отдохнуть?

— Как-то не могу решиться.

— Вы боитесь их оставить, что ли? Это же самостоятельные люди! Ничего страшного, если они сами своей семье сготовят обед, сходят в магазин, уберутся в квартире. И дети-то тогда иначе к ним будут относиться. Думаете, наши внуки не понимают, что их родители — иждивенцы? Ведь иждивенцами мы их делаем сами.

БАБУШКА ОЛИ. Вот сижу и думаю: раньше бабушки и дедушки жили в семье и умирали в семье. Чтобы понимать друг друга, надо все-таки вместе жить. Нам будет очень трудно, когда мы станем совсем старенькими и будем вынуждены все-таки вернуться в свою семью...

— Очень трудно!

— Да.

— И как тебя еще, кроме того, примут?! Они же тоже привыкли к тому, что ты только в гости приходишь...

Почти все ребята отыскивали на фотографиях своих дедушек и бабушек. Нашли их сквозь годы и расстояния. Удивителен был сам момент узнавания. Вдруг раздавался восторженный победный клич, и радостная улыбка озаряла лицо счастливец. Кто-то здоровался с фотографией, кто-то прижимал ее к груди, а одна девочка даже ее поцеловала.

ВЕДУЩИЙ. Светочка, я видел, как ты сразу, очень быстро нашла фотографию. Почему?

СВЕТА. Потому что у нас такая фотография, только еще больше, висит на стенке.

ВЕДУЩИЙ. А у кого еще фотографии бабушек и дедушек висят дома?

АЛЕША. У нас раньше так было. А потом, когда приколотили книжную полку, ее сняли.

— И как ты к этому относишься?

— Я бы хотел, чтобы фотография висела.

— Тогда в чем дело?

— Мама говорит: а куда ты будешь полку вешать? И сняла.

ИРА. У нас тоже фотография дедушки и бабушки сначала висела над сервантом, а потом ее сняли и повесили там какую-то картину.

АЛЕША (другой). У нас тоже висела; тоже сняли и туда игольницу повесили.

— Что повесили?

— Игольницу...

Хотя передача называлась «Наши дедушки и бабушки», адресована она была в основном людям среднего поколения. Это ведь мы, тридцатилетние, почему-то забываем показать своим детям письмо погибшего деда, это ведь мы на место фотографий наших родителей вешаем игольницы. Это мы не понимаем, что наши дети учатся любить нас, глядя на то, как мы любим своих родителей.

Мы на их глазах как бы репетируем свое будущее, в котором займем место своих родителей, а они — наше. Понимаем ли мы это? А вот дети — понимают! Нет, в этой передаче мы не разговаривали с отцами и матерями наших маленьких героев. Но попросили их обязательно присутствовать при этом.

Они смотрели, слушали и молчали.

Писем после этой передачи пришло на студию особенно много.

«Уважаемая редакция!

Идеальная бабушка — это моя мама. Она для меня до сих пор самый интересный собеседник и самый уважаемый человек. Мне никогда не скучно, если рядом мама. Прежде чем что-либо предпринять, я всегда подумаю: «А что сказала бы мама?» Но она не сковывает нашей инициативы и самостоятельности, она не мелочна и не суетлива. И по духу своему мама очень современна. Мой муж очень уважает нашу маму, и они в прекрасных отношениях. У такой бабушки, по-моему, не должно быть недоразумений с детьми и внуками. Правда, и дети, в свою очередь, не должны забывать, что у бабушки есть свои вкусы, свои личные интересы и свое мнение.

Словом, я за бабушку в семье, а не за бабушку «приходящую». Ведь когда надежны «тылы», тогда и на рабочем «фронте» все идет намного лучше, с полной самоотдачей.

Светлана Смирнова, инженер.

Гор.Балта Одесской обл.»

«Уважаемая редакция!

По поводу подарков внучатам. Своему внуку я дарю подарки особые. «Дарила» Алеше столицу нашей Родины — Москву! То есть возила его туда на экскурсию. Мы увидели и Ленинские горы, и ВДНХ, и музеи, и Третьяковку, и главное — Красную площадь. Огромную радость испытала я за Алешу, когда он сказал: «Бабушка, не считал бы, что был в Москве, если бы не видел Красной площади!» Внук был тогда в четвертом классе. «Дарила» ему я и Одессу, и Севастополь. Очень хочу показать Ленинград, пока жива. Мне хочется воспитать в нем настоящего гражданина, умного, сильного, доброго, чуткого человека.

Е. А. Овчаренко. Гор. Кременчуг»

«Уважаемая редакция!

Жить в старости нужно или своей семьей, но постоянно заботясь о семьях детей, или с детьми, если ты уже один. Другого не дано. Другое противоестественно. То, что государство обеспечило нашу старость, еще не все. Любой дом покажется тюрьмой, если ты одинок, если тебе не о ком думать и заботиться и если о тебе думают и заботятся от случая к случаю или приходят в гости.

Н. Д. Логинова.
Гор. Полевской-4 Свердловской обл.»

«Здравствуйте, уважаемые ведущие передачи «Контрольная для взрослых»!
Сегодня посмотрела вашу очередную передачу и решила написать.
У меня тоже есть одна знакомая бабушка, которая каждый год ездила отдыхать.
Сохраняла себя и свое здоровье. Но я еще никогда не слыхала от нее, чтобы она привезла хоть одно платьишко своей внучке. Хоть одну игрушку. Своей снохе она не помогала по дому. Не баловала. Пусть, дескать, внучка не чувствует, что ее родители изживденцы...
А ее сын учился в институте на дневном отделении и приносил домой 40 руб. стипендии, да еще 70 руб., работая по вечерам. Когда девочке исполнилось два года, ее отдали в детский сад. Мама стала работать. Бабушка и тогда не баловала своих детей. Прошло время. Сын окончил институт, сноха ждет второго ребенка. Они получили отдельную квартиру и уехали. Бабушка осталась одна.
Сейчас она заболела, вернее, ослабла и перестала работать. Получает пенсию. И пришла ко мне спросить: почему ее сын, которому она «отдала себя и свою жизнь» очень редко приезжает ее навестить. И еще она сказала, что у нее плохая сноха, которая никогда к ней не приезжает и ни в чем ей не помогает...
Я это написала к тому, что считаю — надо помогать нашим детям, внукам. Наши дети нагружены предостаточно. Особенно когда имеют маленьких детей. Уверена, что они это понимают, ценят и благодарны нам.
Я ушла на пенсию и сижу с внучкой. И не жалею. Потому что моя внучка — моя радость. Ее родители спокойно работают, зная, что дома все хорошо. Дома они отдыхают. И я вместе с ними. Мы понимаем друг друга. Я никогда не думаю о том, что мои дети в трудную для меня минуту позабудут меня. Никогда... Я спокойна, счастлива!
О. И. Голова. Гор. Ташкент»

«Уважаемая редакция!
Я отношусь к поколению бабушек. У меня два сына, две невестки, внучка и внук. Я бабушка работающая, обеспеченная, живу самостоятельно, т. е. отдельно от детей. Считаю, что так для меня пока лучше. Детям было бы, конечно, лучше, если бы я жила с ними: у них был бы более налаженный быт. Но, перестав работать и живя только на пенсию, считаю, что потеряла бы свою значимость и для детей, и для внуков. Имея служебные заботы, я как-то этим становлюсь ближе к своим детям по духовным интересам. Моя занятость по службе заставляет их считаться с моими интересами, а значит как-то и уравнивает нас. Не так велика пропасть между поколениями.
Но, сознавая необходимость связи поколений, стараюсь как можно больше и чаще видеться с детьми и внуками, хотя живем мы в разных областях РСФСР. Стремлюсь жить их заботами. Шлю им регулярно письма, а это обязывает и их отвечать на них. Умышленно не обращаю внимания, если они задерживаются с ответом, не корю их за это, стараюсь, чтоб мои письма были для них интересны, желанны. Пока это удается. На мои письма отвечают мне... обе невестки. Сыновья сами пишут только из командировок. Стараюсь быть им необходимой и как старший товарищ и как собеседник. Думаю, что это — наилучший вариант в наших отношениях.
Внуки привыкли к тому, что есть бабушка, которая приезжает к ним, а они приезжают к ней в гости, они ждут этих встреч. Материально я помогаю детям только тогда, когда сама сочту это нужным, когда вижу, что денежные затруднения могут помешать чему-то важному в их жизни. Сами они на мою материальную помощь не надеются, не планируют ее, никогда не обращаются за ней. Приходится очень деликатно им ее преподносить, чтоб не задеть их самолюбия.
Моя фотография и фотография деда (он умер два года назад) висят в квартирах детей на почетных местах, и внуки знают, чьи это фото. А как будут складываться наши

отношения, когда я не смогу больше работать и жить одна, это пока трудно предсказать. Очевидно, нужно будет жить с кем-то из детей. К тому времени, наверное, мои духовные запросы станут меньше, важен будет лишь только уют и уход. Но об этом нельзя забывать и сейчас, поэтому надо готовить семьи сыновей к тому, что жить потом придется вместе. Уже сегодня надо быть в таких отношениях, чтобы относиться друг к другу с вниманием и теплотой, не затевать мелких тяжб по пустякам, не быть принципиальными в мелочах.

Так я понимаю решение той проблемы, которую вы осветили в своей передаче.

Т. В. Соловьева. Вологодская область, Кирилловский район, п/о, Горицы»

«Уважаемые авторы передачи «Контрольная для взрослых»!

Мне бы хотелось рассказать вам немного о наших дедушке и бабушке, т. е. о моих родителях.

Мои родители обыкновенные простые рабочие люди. Есть у них, конечно, и недостатки, но больше хорошего.

Мы с братом одновременно обзавелись семьями. И поначалу все три семьи жили вместе: десять человек. Все у нас было — и хорошее, и плохое.

У меня трое детей. Но я ни разу не брала отпуска по уходу за ребенком: сразу после окончания декретного отпуска выходила работать. За детьми мы смотрели все, кто когда мог, менялись сменами, брали в разное время очередные отпуска. Когда у меня родилась дочь, я, заканчивала Киевский радиомеханический техникум. Сразу же после его окончания поступила на вечерний факультет Политехнического института. Мой муж и брат тоже поступили учиться.

Скоро у нас с мужем защита дипломных проектов. Дети уже большие: старшая окончила первый класс, двое мальчиков ходят в детский сад. Мы кончаем институт вдвоем только благодаря моим родителям. Они взяли на себя заботу о наших детях — только бы мы учились.

Мы уже три года живем отдельно (получили трехкомнатную квартиру), но детей забираем к себе только на выходные. По вечерам отводим их к бабушке с дедушкой, а утром ведем в садик. Старшая дочь Лена окончила первый класс.

У меня с родителями бывают, к сожалению, ссоры. Бывает, они нас не понимают, все еще считают глупыми (мы, и правда, не блещем умом), но все-таки, если бы они были на моем иждивении (нехорошее слово), я бы ни разу не подумала, что это мне в тягость, и не позволила бы мужу так думать.

Нам всем нельзя забывать, что с возрастом мы изменимся: станем ворчливыми, обидчивыми, подозрительными. И эти мелочи следует родителям прощать. Стараться не обращать на них внимания.

А детей моих дедушка и бабушка не портят, не балуют. Они, как и мы, хотят вырастить из них настоящих советских граждан.

Я благодарна моим родителям и сама буду помогать своим детям воспитывать их детей, т. е. своих внуков, сколько бы их у меня ни было.

Я, конечно, нескладно написала о наших дедушке и бабушке, о моих папе и маме. Они для себя не жили, им некогда было жить для себя: сначала война (папа воевал), потом появились мы, они нас поднимали (я окончила музыкальную школу), потом пошли внуки.

Конечно, во многом я виновата, но если бы я бросила учиться, для них это было бы самым тяжелым ударом. А вот когда мы окончим институт, они будут счастливы.

И. А. Любецкая, Гор. Чернигов»

«Дорогая редакция, здравствуйте! Я сама воспитывалась с бабушкой и до сих пор благодарна ей за все те уроки, которые она преподавала мне своими рассказами, своими пословицами. Скажу честно: то, что я узнала от бабушки, никогда не узнала бы от матери. И до сих пор (моей бабушке уже 85 лет) у нас все еще есть свои секреты!

А вот вы, бабушки, которые помогают только материально, за какие деньги купите вы детскую ласку, детскую привязанность, детские секреты и все то, что связано с детьми? Вы часто делаете дорогие подарки своим внучатам, чтобы они любили вас крепче. Нет, дорогие бабушки и дедушки, лучше отдайте им свой лишний вечер, поделитесь своим богатым жизненным опытом, и вы увидите, какая большая польза будет из этого, да и сами вы получите настоящее удовольствие, побыв со своими внучатами.

Н. М. Комолых. Гор. Грязи»

«Дорогие товарищи!

Вот уже час ночи, а я все не могу уснуть после вашей передачи. И вот решила написать о том, что меня так взволновало.

Как жить: вместе или отдельно? Не в этом дело: можно жить вместе и быть чужими (тогда это коммунальная квартира, и лучше ее разменять), а можно - врозь и быть родными.

Как становятся чужими? Иногда из-за одной-двух фраз. Например, мать говорит дочери, с волнением ожидающей своего первенца: «Я с ним нянчиться не буду, не надейся. Я тебя одна растила, и ты его расти одна. Я хочу работать, быть человеком!»

К отчуждению приводит и патологическая боязнь дедушек и бабушек утратить свою самостоятельность, независимость. На просьбу помочь они отвечают отказом, подозревая в этом какую-то корысть: вот, мол, закабалить хотят! На предложение жить одним домом, вместе столоваться — опять отказ. Предпочитают расплачиваться за каждую мелочь: за булку, за молоко, за три сосиски...

Что же получается? Раньше родители отдавали ребенку все. Он это видел, понимал и говорил себе: «Придет время, и я тоже буду им все отдавать». Это время наступило. Бывший ребенок прилично зарабатывает, и мать почему-то живет отдельно. Он ее просит: «Переезжай к нам! Будем жить вместе!» А она боится быть в тягость. Кто же виноват в возникшем отчуждении? Да мать, конечно! Она собственного ребенка лишила возможности делом доказать ей свою любовь и признательность. Чему же удивляться, если потом старая мать окажется лишней в большой, хорошо обставленной квартире и ее отдадут в дом хроников?!

Ну а если у родителей денег больше, чем у великовозрастных детей? «Пусть наживут сами! Мы с нуля свою жизнь начинали, все своим горбом создавали!» Но все начинается не с нуля, а с уже достигнутого уровня. Что ж тут плохого, когда мать считает, что деньги не нужны, и отдает их детям? Почему надо считать, что путешествие — это большая ценность, чем любовь твоих детей и внуков? Может, для этой бабушки самое увлекательное путешествие — в мир детской души.

Говорят, что, если у ребенка много игрушек, — это баловство, а мало — не баловство. Но опять же не в этом дело, а в том, как ребенок просит эти игрушки (требует, ждет с затаенным дыханием или робко высказывает свое желание). Ну а уж бабушке приходится каждый раз с подарками — это значит обесценить себя. Самой большой радостью для ребенка должно быть общение с бабушкой, которая всегда при своем появлении что-нибудь придумает, нужное и интересное ребенку.

Кто должен ребятишек воспитывать? Бабушка или родители? Все! Даже посторонние люди! А если все по-разному? И это прекрасно! Это и есть подготовка к жизни, к тому, что разные люди предъявляют к тебе разные требования, что с разными людьми надо учиться себя вести по-разному, что у разных людей разные точки зрения на одни и те же вещи. Конечно, не нужно говорить: «Мама говорит неправильно». Лучше сказать: «Мама думает так, а я иначе». Но вот встречать в беседе родителей с ребенком, конечно, нехорошо. С этим я полностью согласна.

Может быть, в этом особенность нашей стремительной эпохи, что именно бабушки и дедушки станут духовными наставниками молодых? Грустить, по-моему, нечего. Ведь

*каждый из нас станет бабушкой и дедушкой! Приятно сознавать, что и в старости ты будешь заниматься творческим трудом, а не превратишься в потребителя бесконечного количества культурных и прочих ценностей,
(Без подписи). Гор. Ленинград»*

Глава 4. СЕМЬ ЛЕТ – ЭТО МНОГО ИЛИ МАЛО?

ВЕДУЩИЙ. Скажи, Илья, семь лет – это много или мало?

ИЛЬЯ. Мало!

-Почему?

- Почему мало? Ну, люди живут по сто лет. А семь лет – это какое-то тьфу, меньше четверти!

ОЛЯ. Много! Семь лет – это много!

— Почему, Оля?

— Потому что человек уже становится взрослым. Ему можно больше доверять.

ИРА. Я думаю — много.

— Почему?

— Потому что в семь лет каждый ребенок идет в школу.

«Потому что в семь лет каждый ребенок идет в школу»...

Мы снимали этот эпизод в самом конце мая, когда дети навсегда уходили из детского сада.

И, сняв его, долго спорили, когда снимать детей в следующий раз. Спорили о том, нужно ли вообще снимать «Первое сентября».

«Мы же решили,— говорила Светлана Волошина,— не снимать никаких мероприятий. Разве там наших детей отличишь среди других? Все в бантах, все с одинаковыми лицами... Речи — музыка. Что нового мы увидим? Это снимали тысячу раз!»

И все-таки съемку мы заказали. На всякий случай.

Случаем этим оказался... дождь. Проливной! Противный, холодный, осенний ленинградский дождь.

Я счастливый вбежал в киногруппу, где меня ждал оператор. Но он понял мое состояние по-своему. «Съемка отменяется? Аппаратуру готовить не надо?»
— Надо! — закричал я. — Еще как надо! Это же сам господь бог послал нам такую ситуацию.

И мы снимали, поочередно держа со Светланой Волошиной зонт над кинокамерой.

Снимали под барабанную дробь дождя идущих как ни в чем не бывало детей с огромными

букетами цветов. Снимали их и тогда, когда перед самой школой они вырывались из рук родителей, выбегали из-под зонтиков, стаскивали с себя капюшоны и фуражки, бурно демонстрируя свою радость.

Снимали родителей, явно огорченных и плохо себя чувствующих под этим проливным дождем. Снимали мокрые медные трубы музыкантов, лужи и то, как в них отражалось это необычное Первое сентября. А потом, когда закончились первые в жизни ребят уроки и за первоклассниками пришли родители, мы, как всегда, решили поговорить и с большими и с маленькими.

ВЕДУЩАЯ. Дорогие родители, что произвело на вас сегодня самое яркое впечатление?

МАМА ИРЫ. Пожалуй, дождь. Он все испортил. Никакого праздника не получилось.

ПАПА ОЛЕГА. Мы сегодня вымокли до нитки. Я что-то не припомню такого дождя.

МАМА СВЕТЫ. Еще вчера был такой прекрасный день...

ВЕДУЩИЙ. Света, ты сегодня в школе рисовала «Первое сентября». Что ты нарисовала?

— Чебурашка и Зайчик бегут в школу.

— Под дождем?

— Нет, я нарисовала солнце.

— Но сегодня же шел дождь!

— А по-моему, погода была хорошей.

— Алеша, что ты нарисовал?

— Я нарисовал красиво и солнечно. Вокруг школы летают воздушные шары.

— Но сегодня был дождь. Проливной!

— Был дождь, а я нарисовал солнце!

— Олег, ты нарисовал дождь?

— Нет, я не нарисовал. А зачем?

(Беседа с детьми, как всегда, велась «один на один». Так что ребята никак не могли просто «поддерживать» друг друга.)

ВЕДУЩАЯ (родителям). Вот вы все говорите - дождь. Для меня самое главное впечатление от Первого сентября — это тоже дождь. Но не он сам, а то, что ваши дети категорически отказались его заметить!

(То, что в каждом рисунке ребят было солнце, оказалось неожиданным для взрослых. Почему же никто из них не заметил ничего похожего в том дождливом дне?)

Впрочем, заметить солнце в такую непогоду было действительно невозможно. Его можно было только почувствовать. Как почувствовали дети.

Вот в этом-то все дело! Мы в лучшем случае пытаемся понять, почему так или иначе поступил наш ребенок, а его поступки чаще всего вызваны не рассудком, а чувством).

ВЕДУЩИЙ. Скажи, Алеша, а тебе не пелось сегодня, когда ты шел в школу?

— Да, пелось.

Какую же ты пел песню?

— «Идет солдат по городу».

(«Идет солдат по городу, по незнакомой улице, и от улыбок девичьих вся улица светла...»)

Почему же Алеша выбрал именно эту песню, идя в школу? Да он ее и не выбирал. Он почувствовал, что она и только она наиболее точно выражает его душевное состояние.

Алеша действительно был похож на маленького солдата — да разве только он один! — шагающего с ранцем на спине и не унывающего в любую погоду).

ВЕДУЩИЙ. С кем ты сидишь за партой, Артем?

— С Аней.

— Когда ты с ней познакомился?

— Мы с ней познакомились на первом же уроке.

— Как это произошло?

— У нее лопнул шарик. Я ей сказал: «Мы тебе найдем новый, не плачь». И вот в конце, когда мы уже уходили, я под одной партой нашел новый шарик. И отдал ей.

— А она?

— Она сказала: «Спасибо». И мы разошлись.

(Какой маленький эпизод и как много в нем чувств! И робость, которую преодолел Артем, придя в новый для него коллектив. И умение почувствовать одиночество другого. И рыцарство...)

ПАВЛИК. Я вчера вечером очень беспокоился за школу и за урок чтения.

— Почему беспокоился, Павлик?

— Ну, потому, что я не очень умею читать. Но там спрашивали стихи, а меня не спросили.

(По тому, как Павлик произнес последнюю фразу - с явным сожалением, отводя взгляд в сторону, — стало понятно, что и сейчас еще живо в нем огорчение за то, что учительница не почувствовала, как он «очень беспокоился за урок чтения еще вчера вечером».)

ВЕДУЩИЙ. Тебя так и не спросили?

— Нет, меня не спросили (вздыхает).

— А если бы тебя спросили, что бы ты прочел?

— Отрывок из «Бородино» (оживленно, с какой-то надеждой).

— Давай, прочти, пожалуйста.

(Павлик читает «Скажи-ка, дядя, ведь недаром» Читает хорошо, настроение его поднялось и из глаз исчезла «тоска по невысказанному». Когда Павлик произнес: «Да, были люди в наше время, не то, что нынешнее племя...», ведущий решил показать, что ему тоже нравится стихотворение. И произнес, обогнав его, всего лишь одно слово:

— Богатыри...

— Не вы! — сказал Павлик, обращая это «не вы» прямо к ведущему и хитро при этом улыбаясь. Смеялись они с ним вместе.)

ВЕДУЩАЯ. Мы в прошлый раз говорили с вами о том, что хорошо бы учительнице как можно быстрее и больше рассказать о наших детях. Правда, мама Алеши возражала, сказав, что это лучше сделать Вере Николаевне (воспитательнице детского сада), но мы как-то не пришли к общему решению.

ПАПА ПАВЛИКА. А помните, в одном из писем было предложение помочь учительнице, написав родительскую характеристику своему ребенку, и как можно более подробную.

Мы тогда отнеслись к этому как-то несерьезно...

ВЕДУЩАЯ. Давайте пересмотрим свое решение.

МАМА ДЕНИСА. Нет, пусть лучше характеристики выдает Вера Николаевна.

ПАПА ИЛЬИ. А мы не поставим своих детей в исключительное положение? Ведь в классе сорок человек, а наших только пятнадцать.

ВЕДУЩАЯ. Мне кажется, что если Вера Николаевна расскажет о ваших детях, то, может быть, у кого-то из воспитателей других детских садов возникнет такая же мысль. Ну а почему бы и нет! Да, в классе сорок ребят. И разве можно их всех быстро узнать? Они

такие разные. Попробуйте встать на место учительницы...

МАМА ЮЛИ. Тем более, например, такой мальчик, как Денис. Он такой застенчивый!

ПАПА ОЛЕГА. Или Артем. Его можно не понять. Он бывает грубоват, не прочь подраться, да и вид у него хулиганистый. А на самом-то деле, по-моему, это самый добрый и справедливый парень в группе. И самый отзывчивый. И товарищ — прекрасный.

ПАПА ЮЛИ. Артем действительно очень хороший товарищ. Но ему не везет в жизни. Мы это сами видели...

ВЕДУЩАЯ. Почему не везет?

ПАПА ИЛЬИ. Как, вы не знаете? Мы сегодня вместе с детьми ходили поздравлять Веру Николаевну. Артем немного опоздал. Если бы вы видели, как он бежал! Какие гвоздики нес! Как он оберегал их от дождя! И вот он бежал и... упал. И сломал эти гвоздики. И куртку порвал. Все одновременно. Но тем не менее бросился вперед...

Режиссер Игорь Шадхан в этот день тоже был в детском саду. Вера Николаевна гуляла во дворе с новыми малышами. Он задал ей один-единственный вопрос:

— Вера Николаевна, что для вас значит этот день — первое сентября?

— В этот день во мне живут радость и печаль, а еще и тревога за ребят, которые идут в новый коллектив. Как они там освоятся, сумеют ли взрослые люди понять их и почувствовать? Вот, например, Артем. У него отменное здоровье, неудержимая энергия, подвижность, желание побезобразничать. Там, где Артем, всегда шум, возня, споры, которые не всегда кончаются мирно. Н мне хочется, чтобы за всем этим учительница смогла рассмотреть подлинного Артема, его необыкновенного доброту, искренность, привязанность к людям. Причем лучше всего, если это произойдет как можно раньше, чтобы Артем не получил слишком много незаслуженных укоров от взрослых.

Волнует меня и Дениска, очень замкнутый мальчуган. Он тоже не сразу может раскрыться в коллективе. Чтобы у мальчика не пропал интерес в школе, учителя должны по-особому подойти к нему. Я спокойна, пожалуй, только за Иришу и Олега. Эти двое наиболее уравновешенны и в поведении, и в усвоении материала.

А вот Павлуша очень неровно себя ведет. Он может быть очень открытым, откровенным, жизнерадостным, но временами, когда у него нет настроения, он замыкается. Если в эту минуту помочь ему поднять настроение, он снова преобразится.

Так что сегодня у меня рядом с радостью, печалью и тревогой живет надежда...

"Идет солдат по городу, по незнакомой улице..." Помните эту песню Алеши? Сейчас она зазвучала снова. Но если в первый раз песню сопровождали черно-белые кадры дождя, хмурых лиц родителей, то сейчас эти же самые кадры были цветными. Есть такая техническая возможность при помощи одной только кнопки превращать черно-белое изображение в цветное. На этот раз кнопка была нажата вслед за словами Веры Николаевны: «Рядом с радостью, печалью и тревогой живет надежда...» Цветное изображение сместило акценты. Засверкали медные трубы, зонтики превратились в красочные и нарядные, и вдохновенные лица ребят стали значительно хмурых лиц родителей. Переход изображения из черно-белого в цветное стал как бы символом надежды на то, что нам, взрослым, удастся понять, почувствовать состояние детей, увидеть мир их глазами. А он у них всегда цветной! Не кажется ли вам, что, когда мы не чувствуем своих детей, мы тоже включаем подобную кнопку, только, наоборот, превращая их яркий, раскрашенный чувствами мир в черно-белый... Мы пьем кофе и ведем неторопливую вечернюю беседу — я, Светлана Волошина, и родители Алеши, нашего самого маленького героя. Читать он научился раньше всех в группе, в школу пошел шести лет, к бабушке в гости ездит самостоятельно через весь город на двух видах транспорта...

Сейчас то и дело слышится из коридора его захлебывающийся от восторга голос: «Гол! Папа! Иди сюда, я покажу, как я забил дяде Игорю гол!» Через некоторое время

обескураженное: «Папа! А теперь дядя Игорь мне забил... Ну иди же сюда, папа!»

Алеша играет азартно, он упорно сражается «с дядей Игорем» за победу, ему сейчас очень нужен папа, который бы «болел» за него, поддерживал... И папа идет в коридор.

— Э, братец ты мой, да у тебя ворота становятся все уже. Как же это?

— Папа, честное слово, я не нарочно! Просто я не заметил, как ботинок чуточку сдвинулся, когда я брал мяч в прыжке!

— Ставь ботинок на место. И следи, чтобы все было по справедливости!

— Хорошо, папа, ты только не уходи!

Футбол — дело мужское. Мы с мамой Алеша остаемся вдвоем. Она встает, прикрывает поплотнее дверь в коридор и шепотом просит:

— Вы только не спрашивайте сегодня Алешу про школу.

— Что, двойку схватил?

— Если бы двойку! У нас настоящая беда приключилась.

Мама Алеша, волнуясь, сбивчиво рассказывает. Учительница объявила классу, что для участия в игре «Зарница» надо выбрать команду и что «за каждую кандидатуру будем голосовать». Когда очередь дошла до кандидатуры Алеша, кто-то из ребят сказал: «Его нельзя в команду, потому что он врет: три раза опоздал в школу, а свою вину на автобус сваливает...» И ребята дружно подняли руки против!

На следующее утро Алеша отказался идти в школу. И только после долгих, настоятельных просьб все рассказал маме. И мама, с чувством вины за то, что жалеет каждый раз будить Алешу на полчаса раньше, проклиная маршрут автобуса, где не соблюдается график движения, не выпуская на всем пути до школы руки Алеша, примчалась к учительнице.

Она объяснила учительнице, что Алеша не врет. А та ответила: «Не волнуйтесь, дело поправимое». Однако на следующий день Алеша сразу же после окончания уроков пришел на работу к маме.

— Почему ты так рано? Тебя разве не взяли в команду?

— Учительница мне сказала, что я могу идти в команду. Но ведь за меня никто не голосовал, а сам я никогда не пойду...

... В коридоре подходил к концу футбольный матч.

«На воротах» стоял уже «дядя Игорь». Папа Алеша из болельщика был произведен в судьи. Алеша готовился к своему последнему, решающему удару. Штрафной! Алеша взял мяч, чтобы установить его на «положенной отметке». Наклонился. Поставил. Измерил расстояние до ворот. Посмотрел на папу. Снова наклонился. Отодвинул мяч на полшага дальше: «Так будет справедливо?»

Спустя год воспоминания об этом «футбольном матче» подкатят комком к горлу, когда мама Алеша при встрече попросит шепотом: «Вы только не спрашивайте, пожалуйста, Алешу о папе. Он не живет теперь с нами вместе...»

Маленький мальчик Алеша... Ему будет так не хватать папы! Он сам будет просыпаться на полчаса раньше. Спрячет подальше футбольный мяч. Тайком будет гладить тумбочку с папиным инструментом... Он ни разу не спросит: «Разве это справедливо?», чтобы не сделать маме больно. Он очень будет ждать папу!

Матч в тот раз окончился со счетом 2:2. Едва закрылась за нами дверь Алеша дома, я накинулась на «дядю Игоря»:

— Ну ты тоже хорош! Не мог подарить ребенку хотя бы одно очко!

— Нет, не мог. Алеше такие «подарки» не нужны.

Идет очередная встреча участников передачи «Контрольная для взрослых». Я занимаю свое место за партой и обращаюсь к родителям: «С нашим маленьким Алешей произошла беда. Надо обсудить, надо посоветоваться... Но сначала мы должны выслушать самого Алешу».

На экране появляется изображение второй студии. Я вижу, как «дядя Игорь»

опускается на корточки возле Алеши. Сейчас он попросит его рассказать о случившемся в школе... Но если Алеша откажется разговаривать на эту тему? Вполне возможно: ведь он своим сокровенным даже с мамой не всегда делится.

Расскажет или нет? И вдруг успокоительная мысль: счет «футбольного матча» 2:2 — вот что выручит! Мальчик знает, что «дядя Игорь» всегда разговаривает, с ним на равных, «дяде Игорю» можно рассказать, он поймет...

Оглядываюсь на свой «класс». Взрослые буквально впились глазами в школьную доску-экран. Каждая пауза, каждое слово Алеши отдается болью на лицах.

— Алеша, а почему ты не попытался защититься, почему не сказал ребятам, что не врешь?

— Они не слушали, они сразу голосовали...

Огромные глаза Алеши наполнились слезами. Заплакала мама Ильи, которая сидит на первой парте прямо перед экраном. Алеша — не заплакал. Он собрал все свои силы и попытался объяснить:

— Я же не обиделся, когда сказали, что я опаздываю. Я обиделся, когда сказали, что я вру, - это несправедливо...

— Но ведь тебя потом приняли в игру?

— Ну и что! Я не пошел сам! Ведь они все равно думают, что я вру!

— Алеша, ты считаешь, что правильно поступил?

Пауза. Алеша думает. Потом честно, открыто глядя в глаза, признается:

— Я не знаю...

Теперь думают взрослые. Первой заговорила мама Ильи:

— Мне уже, слава богу, не семь лет, но я, честное слово, в такой ситуации растерялась бы. Тридцать человек говорят, что я вру, тридцать человек голосуют против... Это же не один, не два, а тридцать! Целый коллектив!

— Когда такая стена недоверия... каждый может растеряться.

— Был бы хоть один человек, который поверил, может быть, он попытался бы объяснить?

МАМА АРТЕМА. Мне кажется, Артем не бросил бы товарища в беде. Он бы обязательно заступился за друга! И тогда, может, мнение класса изменилось бы...

ПАПА ОЛЕГА. А я думаю, что «мнение класса» подготовила учительница. Это она не поверила мальчугану. И, может быть, не только в этот раз, а еще раньше, когда Алеша оправдывал свое опоздание автобусом.

ПАПА ИЛЬИ. Да, коллектив — большая сила. И пользоваться этой силой надо осторожно, умело...

— Этому тоже надо детей учить.

— Вот они и научились!

— Но как теперь быть?

— Исправить ошибку класса следует учительнице.

— Она должна найти для этого силы, провести еще одно собрание, обсудить...

ПАПА ИЛЬИ. Не к чему обсуждать! И не надо снова затевать этих собраний-голосований! Учительница должна сделать что-то такое, чтобы вызвать к Алеше доверие ребят и чтобы он не чувствовал себя таким одиноким и обиженным...

ПАПА ПАВЛИКА. По-моему, вы рассчитываете на очень мудрую учительницу. На такую, какой была, например, воспитательница в нашем детском саду. Помните, Павлик вынужден был в пять лет надеть очки? Как он стеснялся, боялся насмешек ребят. Что же тогда сделала мудрая Вера Николаевна, увидев Павлика в очках? Она воскликнула: «Павлик, как тебе идут очки!» И все. И ничего больше не потребовалось...

ПАПА ДЕНИСА. Да, показать пример может учительница. И преподать урок нравственности — тоже! Она, должна теперь постараться объяснить ребятам, как чувствует себя человек, когда против него выступает коллектив. И пробовать поставить на

место Алешу каждого, чтобы каждый почувствовал, как это бывает, когда возникает боль из-за несправедливости!

Ну что ж, вина учительницы установлена. А как быть с теми, кто голосовал? С них спроса нет? Они маленькие?

ВЕДУЩАЯ. Уважаемые родители, мы с вами говорили о нравственных категориях: долг, справедливость, доброта... Скажите, а с детьми вы об этом разговариваете? Владеют они этими понятиями в семь лет? Вот, например, вы внушаете своему сыну Олегу: «Ты должен ходить в школу, ты должен хорошо учиться...» А почему должен?

ПАПА ОЛЕГА. Дети — те же люди, только маленькие. А ведь любой человек должен владеть нравственными понятиями, представлять, что такое доброта, честность, долг. Конечно, детей надо этому учить, тут и вопрос не стоит

ВЕДУЩАЯ. Значит, вы считаете, что в семилетнем возрасте ребенок уже не должен ограничиваться простейшим распределением поступков на две категории: «Это — хорошо, а это — плохо»?

ПАПА ОЛЕГА. Конечно!

ВЕДУЩАЯ. А как насчет более сложных понятий, таких как «принципиальность», «порядочность»?

ПАПА ПАВЛИКА. Здесь я не уверен... Как-то не приходилось спрашивать.

А если все-таки спросить? И выяснить до конца: семь лет — это много или мало? Я посмотрел на безмятежно играющих детей и подозвал к себе другого Алешу.

— Алеша, ты знаешь, что такое гордость?

— Знаю. Я — гордый.

— Проявилась где-нибудь твоя гордость?

— Вот если в школе с кем-нибудь поссорюсь, я не побегу мириться. Я буду ходить и не обращать внимания.

— Артем, как ты понимаешь слово «верность»?

— Человек, верный другому человеку. Вот как Алеша верен мне, а я — Алеше.

— Ира, что значит «долг», «должен»?

— Я, например, должна хорошо учиться, на пятерки, должна так делать, чтобы не обидеть учительницу и маму с папой.

— А они тоже что-то должны по отношению к тебе?

— Ну да. Они мне должны помогать все делать, чтобы я хорошо училась.

Хотя я прекрасно понимал, что с точки зрения педагогики задать семилетнему ребенку вопрос «что такое порядочность?» по меньшей мере нелогично, увидев перед собой Павлика, не удержался:

— Павлик, что такое... порядочность?

— Порядочность — это (долгая пауза) когда человек поступил порядочно. Например, защитил товарища, помог ему в беде. Или уроки сделать. Вот, например, мальчик один болел, а я ему звонил и все рассказывал.

— Илья, что такое порядочность?

— Порядочность? Вот когда трое или больше бьют одного, то это непорядочность. Непорядочность,— повторил Илья, подчеркивая частицу «не».

Что же тогда произошло в том классе, где учился самый маленький Алеша? Там такие же дети. Почему же они не почувствовали свою непорядочность? Стоп. Да разве кто-нибудь взывал к их чувствам? Там был просто пущен в ход механизм формального мероприятия. Так и получилось, что выбирали команду защищать честь класса и при этом «нечаянно» совершили бесчестный поступок.

А ведь главная наша задача — использовать каждую возможность, чтобы развивать в детях добрые чувства, а отнюдь не глушить их. Иначе мы помогаем развиваться чувствам

недобрым...

На экране перед родителями учительница 1 «А» класса, в котором учится большинство наших маленьких героев.

ВЕДУЩИЙ. Елена Игоревна, вы учительница первого «А» класса. Но, наблюдая за вашими встречами с родителями, мы поняли, что у вас не один, а два первых «А». Один — это дети. Другой — их родители. Скажите, какой класс для вас труднее?

— Конечно, и в том и в другом классе есть трудности, но намного сложнее работать с родителями.

Однажды ко мне подошел мой ученик и спросил: «Сколько вам лет?» Оказывается, ему было интересно узнать, кто старше — я или его мама? В этом и есть первая трудность. Я обычно перед каждым родительским собранием очень переживаю, что придут люди, которые намного старше меня, у которых больше жизненный опыт. И у меня возникают сомнения в том, смогу ли я их убедить, появится ли у них желание стать моими помощниками, захотят ли они понять меня.

ВЕДУЩИЙ. Елена Игоревна, вы меня простите за этот вопрос, а все-таки кто младше оказался - вы или его мама?

ЕЛЕНА ИГОРЕВНА, Конечно, оказалась младше я.

— Сколько же вам лет?

— Девятнадцать.

— Ну и как вам работается с родительским первым «А»?

— Понимаете, бывает очень досадно, когда прибегает чья-нибудь мама, и я вижу в ее глазах такую тревогу, будто случилось что-то непоправимое. Оказывается, ее сын не совсем удачно пишет букву «А». Приходится доказывать, убеждать, что в конце концов он обязательно научится писать букву «А», просто нужно для этого время. А у меня тревога и боль совсем за другого ученика: я никак не могу наладить с ним отношения, не могу найти к нему подход. Но это родителей моих учеников не интересует, их не волнуют мои трудности в классе. Вот когда у каждого из родителей появится забота о всем классе, а не только о своем ребенке, только тогда и появится настоящий «родительский класс».

Круто ставит вопрос Елена Игоревна. Но и справедливо. Мы как-то напрочь забываем, что наших детей воспитывает не только семья, не только учительница, но еще и класс. А класс — это совсем не абстрактное понятие. Это реальные девочки и мальчики, каждый из них со своим характером, со своими нравственными ценностями. Можно ли до конца знать и понимать своего ребенка, если ничего или почти ничего не знаешь о тех, среди кого он находится?

Когда случится беда, то мы не прочь искать ее причину в дурном влиянии коллектива. Но было ли наше с вами влияние на это «дурное влияние»? Мы идем в школу, как правило, только когда нас вызывают. Ну, еще на родительское собрание, где, собранные вместе, мы на самом деле сидим поодиночке.

Почему же мы не идем в школу просто так: понаблюдать, поговорить с другими ребятами, посидеть на уроке для того, чтобы увидеть своими глазами современную школу? Нет, не только потому, что нам некогда... Мы как будто боимся школы. И причина этой боязни в том, что мы недостаточно представляем, какие наши дети в школе, как они ведут себя без нас, без нашего присмотра...

Случилось это в канун Восьмого марта. После уроков остались только командиры «звездочек», чтобы обсудить программу концерта, который 1 «А» класс собирался дать в честь мам и бабушек.

Елена Игоревна, оставив на своем столе классный журнал и стопку тетрадей для диктантов, вышла, предоставив ребятам полную свободу. Ярко горели осветительные приборы, со всех сторон смотрели телевизионные камеры. Шла съемка.

Руководила обсуждением Юля. Подражая учительнице, просила не говорить всех разом, а поднимать руки. Ребята ее слушали: поднимали руки, и тот, кого они спрашивала,

вносил свои предложения.

И вдруг погасли осветительные приборы. Режиссер громко сказал операторам, что видеомagneтофон остановлен. Операторы сняли наушники и вышли из класса. Дети остались одни.

Куда девались вся их чинность и послушание! Как только ребята увидели, что класс покинули операторы, они решили, что их больше не снимают, и молниеносно бросились к столу. С лихорадочной поспешностью, лежа и сидя на учительском столе, они листали журнал и тетради... А между тем видеомagneтофон все добросовестно записал.

Так же внезапно, как и погас, свет зажегся. Это застало ребят врасплох, и они виновато разбежались. Операторы встали к камерам, и в классе снова воцарился полный порядок. И снова подняли ребята руки... И снова Юля подражала учительнице...

«Уважаемые авторы «Контрольной для взрослых»! Как-то незаметно и неизвестно почему воспитание детей стало сводиться у нас к обучению. И родители, и дети постепенно привыкли все моральные категории по воспитанию ограничивать двумя узкими понятиями: «хорошо учиться» и «хорошо вести себя». Взрослым удобно считать своих детей «маленькими» до весьма солидного возраста. Принято говорить «мой ребенок» о 16 — 18-летнем подростке. Это очень вредно для детей, так как молчаливо принимается за истину мнение, что «ребенок» еще не в силах освоить такие моральные категории, как порядочность, принципиальность, совесть, достоинство. Некоторые взрослые даже считают, что эти понятия устарели. Правда, они так считают да той поры, пока отсутствие этих качеств у других не начнет портить их собственную жизнь. Я очень люблю разговаривать с ребятами разных возрастов о жизни и делаю это серьезно. Когда моя дочь пошла в первый класс, у нас возникли следующие проблемы, которые мы решали сообща:

1. *Можно ли в школу носить (приносить) такие вещи, которые вызывают зависть у других? Что такое зависть? Если она у тебя возникла, то как от нее избавиться? Учительница у нас была очень добросовестная, дети ее любили, она очень много сделала для их воспитания и образования. Но ни разу она не разговаривала с ребятами по душам и часто допускала просчеты, подобные истории с Алешей, всеми силами стремясь привить свое мнение о детях классу. Эта ее черта породила новые вопросы:*

2. *Можно ли иметь свое, отличное от учительницы мнение? И нужно ли его держать при себе или необходимо высказывать вслух?*

8. *Можно ли делать плохие поступки тогда, когда тебя никто не видит и даже никогда не узнает, что ты это сделал? И т.д., и т.п.*

Мне кажется, что взрослые должны четко и ясно представлять себе, кого они посылают в жизнь!

Э. С. Василевская. Гор. Ленинград»

«Здравствуйте, дорогие товарищи!

Расскажу вам, что мне пришлось увидеть в молочном магазине самообслуживания. Мальчик лет восьми попросил меня снять верхнюю корзину, полную бутылок молока. Я ему сказала: бери внизу, там сколько хочешь. Пока я что-то покупала, он все же уговорил кого-то снять ему эту корзину. И что же я увидела: он выбирал бутылки, в которых побольше налито молока. Мальчик был сытый, хорошо одетый, толстый. Это было год назад, а я до сих пор не могу забыть, с какой деловитостью он это делал и как мне было стыдно на него смотреть. Да и сейчас противно вспоминать об этом. Даже в годы войны я не видела такого. И еще. Я видела, как некоторые мальчики и девочки стараются не заплатить за проезд в автобусе. Все они одеты в дорогие куртки, в хорошие костюмы... Чему же учат этих детей родители?

В. С. Малиновская. Гор. Томск»

*«Уважаемые товарищи! Представьте себе такую картину. Около стола, накрытого белой скатертью, стоят двое — мать и шестнадцатилетний сын. Мать в очередной раз учит сына, что нужно быть честным и правдивым, хорошо учиться, быть порядочным и так далее. А сын, слушая ее медленно выливает из чашки кофе на белую скатерть... (Я родственница этих людей, пришла помочь подготовить праздничный обед.) С тех пор я все думаю: почему она его не ударила и почему так поступил Максим именно в тот момент, когда мать учила его хорошему?! Да потому, наверное, что сын не верил ни одному ее слову, потому, что образ жизни родителей совсем не соответствовал произносимым ими наставлениям. Скажу только одно: все, что мы ставили тогда на праздничный стол, пришло в семью далеко не честным путем.
Телезрительница Самойленко. Гор. Дрогобыч»*

«Уважаемая редакция! Меня взволновала ваша передача, особенно история с выборами в команду мальчика Алеши.

Хочу рассказать в связи с этим историю, которая произошла с моим братом и его одноклассниками. Дело в том, что я и мой отец работали вместе в мастерской по ремонту горношахтного оборудования. В седьмом классе, где учился брат, понадобилось отремонтировать парты, и классный руководитель на собрании учеников заявила: «Королев Юрий и Карякин Сергей должны принести болтов, так как их родители работают на таком предприятии, где такие болты есть. Если же не принесут, то я им снижу в четверти оценки по поведению».

Брат и его одноклассник болтов не принесли, так как их нужно было, попросту говоря, украсть. За вторую четверть моему брату и его товарищу Сергею Карякину были поставлены «неуды» по поведению...

Горе-педагога в конце концов уволили из школы. А как же 32 одноклассника, которые были на том собрании свидетелями неправильного поведения учителя? Ни один из них не вступился за своих товарищей.

Семья Королевых. Гор. Осинники Кемеровской области».

«Уважаемая редакция!

Я еще не родитель, но человек уже взрослый. Смотрел ваши передачи и считаю, что в них освещаются исключительно важные вопросы для всех нас. Несколько лет назад произошел случай, о котором я и хочу рассказать. Моими соседями были двое мальчишек. Они были закадычными друзьями. Сергей изобретатель, голова его вечно забита физикой, а после 5-го класса он устроил у себя в квартире настоящую лабораторию. Игорь — его противоположность. Любил не физику, а историю и географию. В то время, о котором пойдет речь, мы дружили все трое. Однажды Сергей пришел к Игорю с большим синяком под глазом. Игорь спросил, каким же образом Сергея "угораздило". Оказалось, что тот увидел, как трое хулиганов били кошку. Он не выдержал и вступился.

Его, конечно, поколотили вместе с кошкой.

— Ну и дурак,— сказал Игорь.— Зря ввязался!

— Зря? — подскочил Сергей.

— Конечно. Просто глупость сделал.

— А ты бы что? Испугался?

— Ничуть. Просто не вижу в этом ни смысла, ни пользы. Шел бы себе дальше — и все.

— Да ведь это же подлость!

— Что ты... — спокойно ответил Игорь. — Подлость — это когда ты сам кому-нибудь плохо сделаешь, а здесь никому плохо бы не было, кроме кошки. И зачем из-за этого идти против потока? Иди наискосок. Это легче и быстрее.

— Но ведь это же приспособленчество!

— Нет,— спокойно ответил Игорь,— это умение жить.

Они спорили весь вечер. Каждое слово Сергея было криком души. А Игорь холодно внимал ему и логически доказывал, что имеет смысл, а что — бессмысленно в реальных условиях.

Прошло много времени, и я понял, что Сергей ходил в розовых очках, а Игорь старался сдернуть их с него и обещал, что тот будет ему потом благодарен. Но я с тех пор почему-то больше дружил с Сергеем, а не с Игорем.

Я написал слишком мало, чтобы понять позицию Игоря. Да и сам я ее до конца не понимаю. Может быть, он действительно умеет жить? Может, идеалы нам только мешают? Ведь его доказательства, которые я до конца не могу опровергнуть и сейчас, поколебали тогда и меня.

Дмитрий Цыбин. Гор. Ногинск»

«Здравствуйте, дорогие товарищи!

Вы проповедуете порядочность, рассматриваете, как формируются взгляды на жизнь, позиция человека. Расскажу о случае, который произошел в Харькове.

Юноша по имени Юлий Чигирин спас двух старух, которые переходили мост и не заметили приближающегося поезда, а сам погиб. Он был студентом, будущим мостостроителем.

Некоторые из очевидцев стали с математической точностью подсчитывать, сколько лет осталось жить старухам и какая длинная жизнь предстояла юноше. Сколько мостов построил бы Юлий для людей и какую общественную значимость представляет, скажем, одна из спасенных старух, которая торгует семечками неподалеку от того самого места.

Я, честно говоря, не смог бы поступить так, как Юлий: не хватило бы духу. Но как можно не восхищаться поступком, который он совершил,— не понимаю! Ведь Юлий Чигирин все же построил свой мост для людей! Как вы считаете?

Л. К. Дмитриенка. Гор. Харьков»

«Уважаемые товарищи!

Передача ваша очень важная, нужная. Желательно, чтобы она велась постоянно, с привлечением лучших психологов, педагогов, психиатров. Правильное воспитание с самого раннего возраста необходимо, ведь это — самый существенный период становления человека.

Мы недостаточно говорим о воспитании у детей справедливости, принципиальности, умения отстаивать свое мнение, убеждать или признавать себя неправым, если тебя убедили, не бояться сильных, защищать слабых. Это основные принципы высокой нравственности человека, и воспитывать их нужно с раннего детства.

Один из молодых пап сказал о необходимости воспитания силы воли. Если шире посмотреть, то сила воли — это умение побороть в себе любой страх: признать свою ошибку, вступить в спор с сильным, защищая слабого; вступить в бой с врагом, защищая Родину, ведь смелость — это тоже сила воли.

Л. Русланова. Гор. Ташкент»

Глава 5. О ЛЮБВИ

Передвижная телевизионная техника, подъезжающая к объекту съемки, - зрелище весьма внушительное. Автобус с режиссерской и технической аппаратурой, автобус с видеомагнитофоном, осветительная аппаратура, звуковая передвижка, электростанция на колесах...

Каждый раз, когда я вижу, как съемочная бригада «осваивает объект», возникает тревога: достаточно ли веским был повод, по которому мы вызвали технику и привлекли к работе многих

специалистов?..

Повод для съемки на этот раз был такой: чтение вслух в классе «Детства Никиты».

Проложены кабели, укреплены микрофоны, установлены телекамеры, проверена связь. Сейчас дети усядутся за парты и «дядя Игорь» откроет книжку... Книжку! Я с ужасом обнаруживаю, что ее-то как раз и оставила дома! Пожалуй, со мной такое впервые, но ведь никакое оправдание не спасает положения... Школьная библиотека еще закрыта, ехать на студию — потеря времени. Выручают родители наших героев. Оказывается, почти в каждой семейной библиотеке есть «Детство Никиты». А поскольку все живут рядом со школой, буквально через 10 минут появляются книжки: томик из собрания сочинений и целых три издания «Детской литературы».

— Как хорошо, когда в каждом доме есть «Детство Никиты»! — говорю я, вручая самое красивое издание «дяде Игорю».

— В каждом доме? — переспрашивает он.

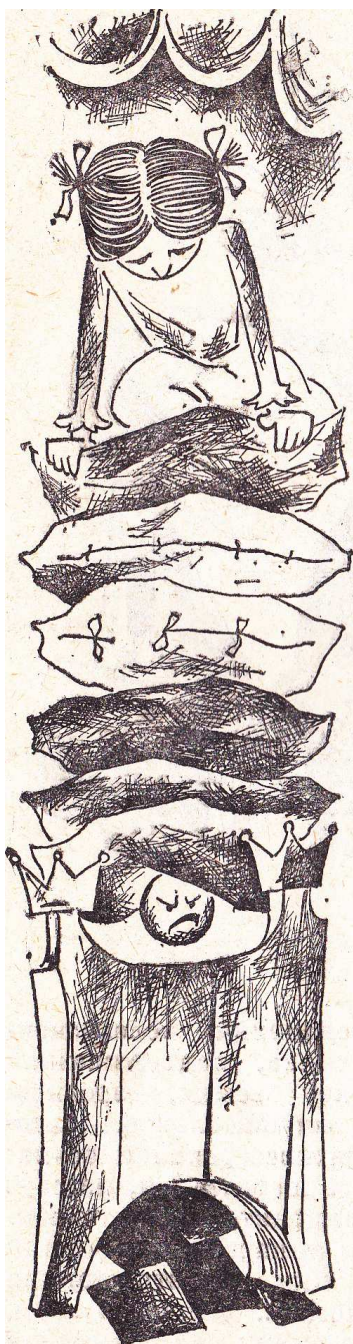
Так, так...С этого, пожалуй, и начнем. Держите общий план, чтобы было видно, кто поднимает руки. Обязательно — общий!

На «эфирном мониторе» видно, как Игорь Шадхан входит в класс, показывает «Детство Никиты» и задает первый вопрос:

— Ребята, кто из вас уже читал эту книжку или кому ее читали родители?

Общий план. Пауза. Ни одной руки...

Так начался эпизод «читаем вслух» в передаче, которой мы дали весьма смелое название — «О любви».

«Чтение» подходило к концу. Зазвучали в тишине класса строчки:

Уж ты лес, ты мой лес,
Ты волшебный мой лес,
Полный птиц и зверей
И веселых дикарей...

На мониторе, куда подается изображение с первой камеры, работающей на крупных планах, появилось лицо Ирочки. Выражение его было таким, будто именно ей подарил Никита эти стихи. Вдруг Ирочка, не поворачивая головы, скосила глазки влево, отыскивая взглядом кого-то в классе.

— Кого она ищет?

Быстро откликается третья камера. Оператор сделал наезд, и на другом мониторе появилось лицо Ильи. Сейчас их взгляды встретятся...

Я люблю тебя, лес...
Так люблю тебя, лес...-

звучал голос режиссера. Если бы он был сейчас за пультом! Решение была бы принято мгновенно! Как же это снять?!

Сейчас их взгляды встретятся... Одним нажатием кнопки на пульте можно «поставить» рядом с Ирочкой встречный крупный план Ильи: взгляд смонтируется со взглядом... Нет, не годится: монтаж разорвет ниточку, которая протянулась между двумя... Ниточку! Вот оно, такое простое решение! Изображение тоже должно протянуться «ниточкой». Значит, панорама...

Но прежде чем прозвучала команда, оператор все понял. Первая камера чуть дрогнула и медленно пошла влево... Дальше можно не беспокоиться: он не потеряет фокус, он успеет подхватить взгляд Ильи и вернуться к Ирочке обратной панорамой, выбрав единственно верный в данном случае ритм движения... Какое счастье, когда есть взаимопонимание с товарищами по труду! Ведь иному человеку могла показаться совершенно пустой вся эта суета вокруг «встречного взгляда».

Вдруг раздался голос ассистента:

— Кончается пленка, на секундомере пятьдесят девять минут тридцать секунд.

С чем можно сравнить впечатление от этой фразы? Пожалуй, с сообщением вроде того, что «кончилось горячее, до аэродрома не дотянуть!»

Но есть еще слабая надежда. Нажата кнопка связи:

— Магнитофон! Сколько осталось на рулоне пленки? Магнитофон! Ответьте!

— Связь не работает, что ли? — буквально вылетаю из автобуса.— Эту дурацкую защелку вечно «заедает». — Распахиваю дверь и наталкиваюсь какой-то странно отсутствующий взгляд инженера видеозаписи.

— Почему не на связи?! Мы можем продолжать запись?

— Пишите спокойно. Все в порядке. Не волнуйтесь... Я украл брошку... (Улыбается.)

— Какую брошку?!

— Какую? Позолоченную. Но я не знал, что она дорогая, просто мне она нравилась больше всех украшений, лежащих в маминой шкатулке... Я хотел подарить ее девочке, в которую был влюблен.

— Когда?

— Когда? В первом классе...

— А мама?

— Мама? Она меня просто выпорола за воровство.

— А ты?

— Я? Я женился на этой девочке... через пятнадцать лет.

— Молодец. А теперь ты можешь сказать, сколько пленки осталось в рулоне?

— Я же сказал, все в порядке. Рулон — нестандартный, на пятнадцать минут больше.

— Где ты его взял?

— Просто, если хорошо поискать на складе, можно подобрать нестандартные рулоны. Я же понимаю, как дорога в такой съемке каждая лишняя минута. Как ты думаешь, если сейчас попробовать объяснить маме, что тогда произошло с этой брошкой, ну, почему я ее взял, она поймет?

— Должна понять. Знаешь, давай попробуем объяснить вместе. Попроси маму посмотреть эту передачу «О любви».

Письма! Мы, конечно, предполагали, что не все телезрители поймут нас и поддержат, но категоричность некоторых писем все же была неожиданной.

«Уважаемая редакция!

Передача для взрослых о любви — очень плохая. Мне 65 лет, у меня внук 11 лет и внучка 10 лет. Да чтоб я им говорила про любовь! Это ужасно!»

(Без подписи.)

«Уважаемые товарищи!

Вы задали вопрос: нужно ли с детьми говорить о любви? Нужно! Тут я с вами полностью согласна. И с Ильей, и с Павликом. Еще в детском садике дружба с мальчиком и симпатии к девочке проявляются по-разному. Боже, да это же прописные истины, что в этом возрасте дети уже влюбляются. И задача воспитателя тактично помочь ребенку научиться любить, узнавать и беречь любовь. Да, принцесса должна быть чуткой к пошлости, даже если последняя величиной е горошину. Интересная мысль. Спасибо. Принцы, принцессы — это очень хорошо, но ведь браки - увы! — заключаются не на небесах. Наверное, надо помнить и об этом. И учить терпению, терпимости, умению прощать.

Г.И.Коновалова. Гор. Ленинград»

«Дорогие коллеги, все те, кто принимал участие в создании телепередач «Контрольная для взрослых»! Большое вам спасибо за искренность ваших дискуссий, за откровенный, честный разговор о наших детях. Ваша передача тем и хороша, что помогла нам, педагогам, в столь необходимом контакте с родителями.

Понравился ваш разговор о любви. Солидарна! И не могу понять опасения родителей. Почитайте дневники Лермонтова, Пушкина, Блока. К ним ведь очень рано пришло это чувство. Со своими питомцами я уже в 4-м классе пыталась говорить на эту тему, так как сделать вид, что я не заметила чего-то,— это значит расписаться в собственном

бессилии, значит не понять мир детской души, оказаться выше их, а ведь порой нам, взрослым, есть чему поучиться у наших малышек.

Ну, а разве Антуан Сент-Экзюпери не преподал нам, взрослым, урок в сказке о маленьком принце? Разве чувства маленького принца к своей розе, которую он оберегал, о которой нежно заботился, нельзя назвать любовью?! И почему мы, взрослые, боимся этого слова? Вот и получается, что, когда наши дети подрастают, они часто становятся в тупик, а мы, взрослые, порой так и не умеем ничего поведать им о настоящей любви.

Т. С. Наумчик. Гор. Анапа»

«Уважаемы ведущие телепередачи «Контрольная для взрослых»!

Я пенсионерка, мне 67 лет. Я придерживаюсь пословицы «всякому овощу свое время». Зачем в таком возрасте, как 7 — 8 лет, говорить о любви? Дети еще не созрели для такого разговора. У них не должно быть разделения на мальчиков и девочек, они все — дети, а значит, должны все одинаково трудиться. Зачем воспитывать в девочке, что она не сама должна себя обслуживать, что ей поможет снять пальто мальчик? Какая же здесь подготовка к жизни? А если ей попадется такой муж, который не будет делать то, к чему ее приучил мальчик в школе? Отсюда неприятности — разлад в семье. Я понимаю, что нужно помочь девочке, если у нее какой-нибудь физический недостаток и ей трудно раздеться самой, а зачем оказывать помощь вполне здоровой?

А. П. Гор. Харьков»

«Уважаемые товарищи, только что посмотрела передачу «Контрольная для взрослых», Трудно выразить огромное удовольствие от всего увиденного, услышанного и, конечно, в первую очередь от детей. Какие они чудесные, непосредственные! Какими мудрыми оказались по сравнению со своими родителями в таком важном вопросе, как любовь! Конечно, они в это понятие вкладывают свой смысл, но они недалеко от истины. Разве можно говорить о любви, вкладывая в нее только биологическое, как это пытались сделать некоторые родители? Поистине любовь каждый понимает по-своему! Но разве возможна она без эмоций, без уважения, без дружбы между любящими? Высокая истинная любовь, безусловно, основана, на возвышенных поступках, о которых так здорово говорили дети.

Л. Н. Макарова. Гор. Архангельск»

«Уважаемая редакция!

Вчера посмотрела вашу передачу «Контрольная для взрослых», передачу о любви. Ведь порой мы, взрослые, сами не можем разобраться во всем и ответить на все вопросы, касающиеся этой волнующей темы. А какой же ответ может дать 8-летний ребенок, если он не понимает даже этого слова — «любовь» и не поймет до срока?

Большинство родителей делали упор на то, что их дети — это будущие родители, супруги и т.д. Говорили, что с детства нужно закладывать такие черты, как бережное отношение к женщине, к матери, уважение. Но так ли нужно подходить к детям с этими вопросами, тем более к таким маленьким детям?

Студентка Ольга Н. Гор. Новосибирск»

«Уважаемая редакция!

Хотелось бы видеть на телевидении больше передач о семейных отношениях и взаимоотношениях полов... Ведь многие родители кормят своих детей баснями типа «тебя нашли в капусте» и т. п.

В школах предмета такого нет, но без знания не только физических, но, главное, нравственных критериев невозможны прочная семья и долгая любовь. А любовь отца и

матери — залог морального, психического. и нравственного развития детей в семье. Не получать информацию в подворотне, а через чуткое, бережное отношение в семье идти к счастливому браку.

*Мне 28 лет. Пока я еще холостяк. С моей «принцессой» еще не знаком.
С. К. Подосенов. Гор. Кировоград»*

ВЕДУЩАЯ. Уважаемые родители! Сегодня мы предлагаем вам перечитать «Детство Никиты». Будем читать вслух. По очереди. Итак, я начинаю, а вы продолжите.

Глава называется «Елка».

«Настал сочельник. Елку убрали, опутали золотой паутиной, повесили цепи и вставили свечи в цветные защипочки. Когда все было готово, матушка сказала:

— А теперь, дети, уходите, и до вечера в гостиную не заглядывать...»

МАМА КАТИ. «Никита на цыпочках вышел в коридор и увидел важно идущую ему навстречу девочку в белом. На ней было пышное платье с кисейными юбочками, большой белый бант в волосах, и шесть пышных локонов с боков ее лица, тоже сейчас неузнаваемого, спускались на худенькие плечи. Подойдя, Лиля с гримасой оглядела Никиту.

— Ты что думал — это привидение, — сказала она, — чего испугался? — и прошла в кабинет и села там с ногами на диван...»

ПАПА ДЕНИСА. «...Никита тоже вошел за ней и сел на диван, на другой его конец. В комнате горела печь, потрескивали дрова, рассыпались угольками...

Лиля проговорила тоненьким голосом:

— Звезда взошла.

И в это время раскрылись двери в кабинет. Дети соскочили с дивана. В гостиной от пола до потолка сияла елка множеством, множеством свечей. Она стояла, как огненное дерево, переливаясь золотом, искрами, длинными лучами...»

ПАПА ОЛЕГА. «...Матушка опять заиграла на рояле, вокруг елки пошел хоровод с песнями, но свечи уже догорали...

В прихожей Лиля оторвалась от цепи и остановилась, переводя дыхание и глядя на Никиту смеющимися глазами. Они стояли около вешалки с шубами. Лиля спросила:

— Ты чего смеешься?

— Это ты смеешься, — ответил Никита.

— А ты чего на меня смотришь?

Никита покраснел, но пододвинулся ближе и, сам не понимая, как это вышло, нагнулся к Лиле и поцеловал ее. Она сейчас же ответила скороговоркой:

— Ты хороший мальчик, я тебе этого не говорила, чтобы никто не узнал, но это секрет. — Повернулась и убежала в столовую...»

МАМА ИРЫ. «...Никита сам не понимал, почему ему скучно играть с мальчишками. Он вернулся домой, разделся и, проходя через комнаты, услышал, как Лиля говорила:

— Мамочка, дайте мне, пожалуйста, чистенькую тряпочку. У новой куклы, Валентины, разболелась нога, я беспокоюсь за ее здоровье.

Никита остановился и снова, как во все дни, почувствовал счастье. Оно было так велико, что казалось, будто где-то внутри у него вертится, играет нежно и весело музыкальный ящичек...»

МАМА ЮЛИ. «...Нежные и причудливые узоры эти были, как из зачарованного царства, — оттуда, где играл неслышно волшебный ящик. Это были ветви, листья, деревья, какие-то странные фигуры зверей и людей. Глядя на узоры, Никита почувствовал, как слова какие-то сами собой складываются, поют, и от этого, от этих удивительных слов и пения, волосам у него стало щекотно на макушке.

Никита осторожно слез с дивана, отыскал на столе у отца четвертушку бумаги и большими буквами начал писать стихотворение:

Уж ты лес, ты мой лес,,
Ты волшебный мой лес,
Полный птиц и зверей
И веселых дикарей...
Я люблю тебя, лес...
Так люблю тебя, лес...»

ВЕДУЩАЯ. Давайте здесь остановимся. Скажите, как вы думаете, о чем эти стихи, которые Никита подарил Лиле? Мы этот вопрос задавали и вашим детям, запись их ответов, мы вам покажем. Но сначала хотелось бы услышать ваши суждения. Итак, о чем эти стихи?

МАМА ЮЛИ. Это стихи о природе, о красоте ее и о зверях, птицах. В общем, воспевают здесь, я считаю, природу и все, что находится в лесу...

ВЕДУЩАЯ. Очень хорошо, спасибо. А теперь послушайте ответ вашей дочери Юли.

ВЕДУЩИЙ. Юля, как ты думаешь, о чем написал стихи Никита?

ЮЛЯ. Вообще эти стихи написаны о любви к лесу, но на самом деле вот этот лес, волшебный мой лес... Это о Лиле говорится... Никита ведь любит Лилю.

ВЕДУЩАЯ. Скажите, уважаемые женщины, вам когда-нибудь дарили стихи?

(Пауза.)

МАМА ИРЫ. Я такого что-то не помню...

ВЕДУЩАЯ. А вот интересно Ирочку спросить, хотела бы она получить в подарок стихи? Как вы думаете, что она ответит? Оценит ли такой подарок?

МАМА ИРЫ. Не знаю... С нашими восьмилетними детьми, наверное, еще трудно говорить обо всем этом. О таких стихах, о любви... Ирина даже не знает, как это слово сказать, она стесняется, ужасно стесняется.

ВЕДУЩИЙ. Ира, а ты хотела бы получить в подарок такие стихи?

ИРА. Да, хотела бы...

ВЕДУЩИЙ. Но, может быть, в жизни так не бывает, писатель рассказывает выдуманную историю?

ИРА. Бывает. Некоторые ребята, ну, может, не в нашей школе, но могут так поступить. Если бы меня выбрал какой-нибудь порядочный парень...

ВЕДУЩИЙ. А Никита, с твоей точки зрения, порядочный парень?

ИРА. Я думаю, что да.

ВЕДУЩИЙ. Почему?

ИРА. Он к Лиле так хорошо относится, ласково... называет ее добрыми словами...

ОТЕЦ ПАВЛИКА. А у нас этот вопрос просто еще не возникал. Дети должны сами осознать свои чувства. Мы не должны вмешиваться, потому что мы по-взрослому судим, взрослые слова говорим. У них, по-моему, и слов таких нет — «люблю», «любовь»...

ВЕДУЩИЙ. Павлик, как ты думаешь, такая история, как в этой книжке, может быть между детьми в жизни?

ПАВЛИК. Я думаю, что может. Это, конечно, случается очень редко, эти отношения сильной дружбы и... любви

ВЕДУЩИЙ. А почему ты как-то стесняешься, когда говоришь слово «любовь»?

ПАВЛИК. Ну, потому, что мы еще слишком маленькие... Если бы я был в классе седьмом или восьмом, тогда можно уже говорить... Понимаете?

Многие взрослые считают, что мы не думаем об этом... А мы думаем.

МАМА ИРЫ. Может быть... Но Ирина одинаково играет и с девочками, и с мальчиками. С Ильешей она, например, играет в дочки-матери. Он у нее сын. Она мама. На любовь это похоже, но любовь у нее к Илье материнская...

ВЕДУЩАЯ. А как Илья относится к Ирочке? У него, значит, «сыновняя любовь»?

ВЕДУЩИЙ. Илья, скажи, тебе нравится Никита?

ИЛЬЯ. Никита? Да, нравится. Знаете, я тоже, как и он, раньше дружил только с мальчиками. С девочками был, как говорится, в раздоре. А сейчас у меня вот с Ирой... очень большая дружба...

ПАПА ИЛЬИ. Да... Илью вы сейчас просто открыли для меня. Надо же, у него есть уже симпатия... А я думал, с ним и говорить-то на эти темы еще рано...

ВЕДУЩАЯ. Я хочу быть понятой до конца. Мы не призываем вас посадить перед собой детей и сказать: «Ну-ка! Давай говорить о любви. Выкладывай, что ты про это знаешь!» Речь идет о том, что мы так или иначе влияем на формирование их чувств. И, если мы, например, замечаем их симпатии в этом вроде бы еще маленьком возрасте (видите, я говорю «маленьком» уже с опаской, увидев, какие они у нас взрослые), мы обязаны позаботиться о том, чтобы все обратить им на пользу, а не во вред. Чтобы пошлость не коснулась их чувств...

МАМА АЛЕШИ. Правильно! Мы всегда должны себя вести... соответственно. Однажды утром я очень торопилась, когда привела Алешу в школу. Мне хотелось, чтобы он поскорее разделся и ушел в класс. А он сначала упорно ждал прихода соседки по парте, потом помог ей снять пальто, отнес ее сапожки... У меня все внутри кипело от нетерпения — я опаздывала, но все-таки внешне спокойно дождалась, пока они не взяли за руки и не отправились на уроки.

Вечером я его спросила: «Ты что, каждое утро так... ждешь Юлю?» Он насторожился и ответил, «Да, а что?» Я говорю: «Просто мне очень понравилось. Приятно было смотреть со стороны».

Он обрадовался и спросил: «Правда, тебе понравилось?» — «Конечно», — говорю. «А меня, знаешь, уже дразнят». — «Не обращай внимания. Все нормально».

С тех пор насмешки мальчиков на него уже не действовали совершенно. Нам надо оберегать чувства наших детей.

АЛЕША. В первой четверти меня посадили с Юлей. Юля сначала меня как-то стеснялась, отсаживалась от меня. Потом она сказала: «Алеша, можно я к тебе подвинусь?» Я сказал: «Можно». С тех пор мы все время с ней дружим. Все время с ней играем.

ВЕДУЩИЙ. А что тебе нравится в ней?

АЛЕША. Доброта. Она честная. Очень любит труд. Вот нарисуют на моей парте... Я выхожу на перемену, а она не выходит. Прихожу на другой урок, а парта уже чистая. Трудолюбивая девочка. Она форму мне чистит иногда.

ВЕДУЩИЙ. А ты?

АЛЕША. Ну, а я ее защищаю иногда. Это бывает редко, потому что она редко выходит на перемену, а так бы я ее защищал чаще...

ВЕДУЩАЯ. Ребята в школе писали сочинения на тему «Когда я вырасту». А потом читали свои сочинения вслух всему классу. Попросили прочесть и Олю. И вот она во время чтения сделала паузу, явно пропустив какую-то строчку. Нас очень заинтересовало — какую?

ВЕДУЩИЙ. Оленька, я слушал твое сочинение, и оно мне очень понравилось. А скажи, какую строчку ты не прочитала вслух? И почему?

ОЛЯ. Потому что она мне очень не понравилась.

ВЕДУЩИЙ. А ты помнишь эту строчку?

ОЛЯ. «Я бы очень любила своего мужа...»

ВЕДУЩИЙ. А почему она тебе не понравилась?

ОЛЯ. Потому что я не подумала, буду я его любить или нет. А вдруг он не будет похож на моего папу?

ВЕДУЩАЯ. Галина Борисовна, вы любите своего мужа? Простите меня за этот вопрос.

МАМА ОЛИ. Почему же, я отвечу. У нас двое детей. Второй ребенок родился всего девять месяцев назад. Это в общем-то утверждение семьи, утверждение взаимного отношения друг к другу. А вот почему Олю насторожило слово «любовь» — я не знаю...

ПАПА ИЛЬИ. Я думаю, что Олю ничего не насторожило. Наоборот — ей захотелось таких отношений, как у вас, такой же хорошей семьи. Вот это она и подчеркнула.

МАМА АЛЕШИ. От детей вообще очень трудно скрыть, когда из семьи уходит главное чувство. Такую семью лучше не сохранять.

ПАПА ПАВЛИКА. Вернемся, товарищи, к детям!

ВЕДУЩАЯ. А мы от них и не уходили. Согласитесь со мной, что они за нами наблюдают, как бы учатся впрок, на будущее. Хотим мы этого или нет, а они уже сейчас, следя за нашими отношениями, мысленно представляют свою будущую семью.

Я хочу обратиться к тем, у кого невесты растут. Есть такая поговорка, все ее знают: «Не родись красивой, а родись счастливой». Как же сделать, чтобы, например, Катя не прошла мимо своего счастья и прошла мимо своего несчастья?

МАМА КАТИ. С нашей Катей сложно. Понимаете, она хочет быть принцессой. До сих пор сказки о принцессах любит. Я спрашиваю: «Почему?» Она отвечает: «Потому что там все волшебное, там принц говорит красиво, а наши мальчишки дерутся...»

ВЕДУЩАЯ. А про принцессу на горошине она знает сказку?

МАМА КАТИ. Это ее самая любимая сказка!

ВЕДУЩАЯ. Послушайте! А если предположить, что горошина — это пошлость, грубость? Пусть тогда в этом отношении Катенька все-таки будет принцессой!

ПАПА ИЛЬИ. Это прекрасно! Пусть Катя будет у нас принцессой. Правда, теперь ей надо еще достойного «принца» найти. Такого, скажем, как Алеша, чтобы ценил Катю и красиво за ней ухаживал. Пальто подавал...

ПАПА ОЛЕГА. По-моему, вы придаете слишком большое значение этим внешним проявлениям «ухаживания». Вам кажется, что это — осознанное уважение к женщине, а на самом-то деле это всего-навсего подражание взрослым, своего рода игра, чтобы не сказать обезьянничанье.

ВЕДУЩАЯ. Что же здесь дурного? Цветы дарить — пусть обезьянничают, пальто подать — пусть! А не наоборот: толкнуть, ударить...

МАМА СВЕТЫ. Я совершенно согласна с вами! Разве мы не воспитываем будущих мужчин, предлагая мальчикам уступить место девочкам? Разве мы не воспитываем будущего мужчину, когда одобряем поведение Алеши?

ПАПА ДЕНИСА. Безусловно, в мальчиках надо это рыцарство поддерживать.

МАМА ИЛЬИ. Это делается прежде всего при помощи примера самих родителей.

ВЕДУЩАЯ. А вы замечали, как дети вообще радуются хорошим отношениям взрослых? Во всяком случае, цветочки, принесенные папой маме (не только 8 Марта), сын обязательно заметит. Кстати, папа Ильи, когда вы последний раз дарили цветы своей жене?

МАМА ИЛЬИ. Представьте, вчера!

ВЕДУЩАЯ. Ну вот и прекрасно! Теперь ждите цветы от сына...

ВЕДУЩИЙ. Илья, помнишь стихи Никиты?

Уж ты лес, ты мой лес,
Ты волшебный мой лес,
Полный птиц и зверей
И веселых дикарей...
Я люблю тебя, лес...
Так люблю тебя, лес...

— Да. Они очень хорошие. Такие красивые, складные, не то, что я сочиняю.

— А о чем эти стихи?

— Никита, он написал Лиле, чтобы ей было приятно и чтобы она все поняла. И вообще, чтобы это было не смешно никому. Понимаете?

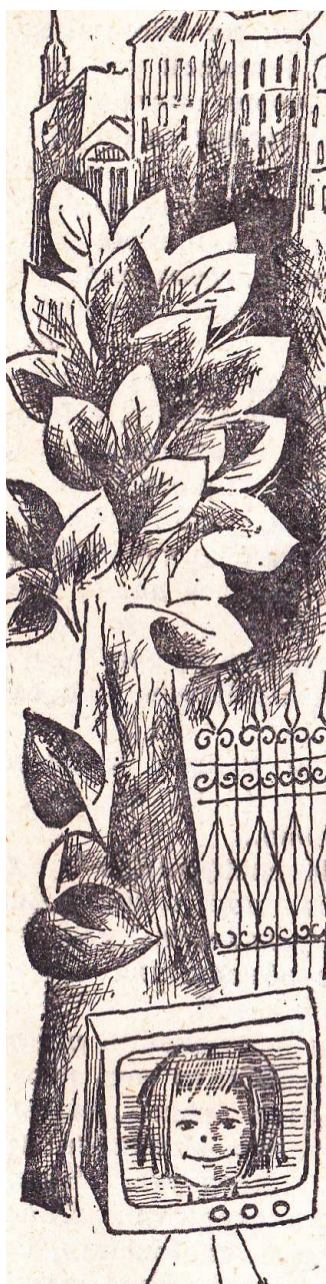
Чтобы это было не смешно! Мы думаем, что эта фраза Ильи звучит обвинением всем, кто живет с детьми осьмушками и четвертушками чувств и надеется, что они появятся сами собой в положенное время.

Не появятся! Чувства, так же как и разум, развиваются. Воспитываются. А чтобы воспитывать чувства в ребенке, их нужно, прежде всего, уважать.

Воспитанию чувств мы посвятили серию передач «Контрольная для взрослых».

Воспитанию чувств мы посвящаем и эту книгу.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мы идем с работы. Только что прошла в эфир очередная передача из цикла «Дело государственной важности» — коллективный портрет предприятия.

Маршрут известен и проверен: вот сейчас, не сговариваясь, мы свернем в скверик (там часто играют Денис с Ильей), потом пойдем на угол Кировского и улицы Попова (там стоят автоматы с газированной водой — излюбленное место Павлика и Олега), потом дорога выведет нас на набережную Карповки, по которой как раз в это время возвращается с урока музыки Оля, потом будет станция метрополитена и, если повезет... Конечно, повезет! Навстречу по Кировскому проспекту, оставив далеко позади своих мам, мчатся сразу два Алеши! Не добегая нескольких метров, оба замедляют ход и вежливо, даже, пожалуй, элегантно здороваются. И тут же, подпрыгивая, сообщают в два голоса:

— А мы вас видели по телевизору! Вы на заводе разговаривали про турбину!

Говорится это залпом и вроде бы весело. Но все же чувствуется какой-то упрек... В измене, что ли? Вот, дескать, уже на заводе, вот, дескать, с нами расстались...

А разве мы расстались? Но почему же тогда нет-нет да и возникает чувство вины? За что?

...Этого не успели, того не сумели, на это не решились, о том не так спросили... В который раз возвращаемся мысленно к моменту первого знакомства.

Вот мы входим в детский сад, поднимаемся по мраморной лестнице и попадаем в комнату, где на низеньких детских стульях привычно и даже как-то уютно устроились взрослые люди примерно нашего возраста. Идет родительское собрание в подготовительной группе. Воспитательница Вера Николаевна предоставляет нам слово.

Мы говорим уже добрых полчаса, сменяя друг друга: рассказываем о своих творческих замыслах и просим стать соавторами цикла передач. Предупреждаем, что чаще придется делиться своими промахами и ошибками, чем успехами и победами, указываем на значение проблем воспитания детей, уговариваем, уговариваем... И вдруг обнаруживаем, что все давно уже согласны.

— Да разве мы не понимаем, что это нужно?

— Почему вы решили, что эти проблемы нас самих не волнуют?

— Как же не найти время для такого важного дела?

— Обмен опытом — всегда полезно...

Эти люди нас поняли сразу. И восприняли предстоящую работу как ответственное поручение. Нас объединяли не производственные успехи, не уровень образования и не профессия. Нас объединяла общая заинтересованность судьбами наших детей.

Кстати, о профессиях. Только в заключение цикла мы объявили по просьбе телезрителей «кто есть кто»: Борис Филиппович Кочоров — монтер связи, Ольга Михайловна Кочорова — радиоинженер, Мстислав Аркадьевич Сиверс — преподаватель института, Нелли Семеновна Караваева — инженер-конструктор, Раиса Львовна Голубева — сотрудник отдела снабжения, Валентина Николаевна Дорофеева — кладовщица механических мастерских, Зоя Георгиевна Королева и Леонид Никитович Королев — инженеры-металлурги, Елена Николаевна Новикова — библиотекарь, Владимир Константинович Кабанов — техник, Раиса Михайловна Кабанова — воспитательница детского сада, Владимир Алексеевич Окунев и Инна Вячеславовна Окунева — инженеры-проектировщики, Галина Борисовна Шторина — врач, Нина Леонидовна Черных — домохозяйка, Людмила Михайловна Козуненко — электрик, Людмила Егоровна Царькова — мастер мебельной фабрики, Валерий Павлович Лебедев — физиолог...

В передачах же они все выступали в своей главной роли — мамы или папы.

Впоследствии корреспондент «Литературной газеты» Н. Логинова напишет: «...героев передачи узнают на улицах. И надо отдать должное их мужеству. Порой ведь вопросы, которые задают им ведущие, ставят их (не детей, конечно, а родителей) в тупик. И перед всем честным народом они получают «три с минусом» по контрольной. И ничего, продолжают смотреть с экрана нам в глаза. Потому что понимают, что работают в передаче за всех нас».

Да, степень откровенности — вот, пожалуй, самое главное, за что мы обязаны поблагодарить наших героев.

Они не знали, например, что сразу после выхода первой передачи нам позвонили коллеги из Таллина, чтобы выразить свой восторг пополам с удивлением: «Завидуем: как откровенны ваши герои перед многомиллионной аудиторией! Нет, у нас, пожалуй, такой разговор невозможен, мы люди более замкнутые...»

Да, нам можно позавидовать, и в то же время только мы знаем, сколько откровенного и такого выигрышного, с точки зрения тележурналистики, «материала» мы положили на полку!

Потому что за степень откровенности в данном случае отвечали мы. Люди доверяли нам. И не боялись, что их дети «сболтнут лишнее» в долгих и душевных беседах.

За все, что вышло в эфир, мы тоже несем полную ответственность. В одну из телепередач был, например, включен диалог с Юлей. Трудный диалог!

«Круглая отличница» Юля никак не хочет сознаться, что совершила весьма неблагоприятный поступок, и никак не хочет понять, что в связи с этим ее пятерки очень теряют в цене. Эпизод записан, осталось вмонтировать его в передачу, но мы медлим уже который день: все-таки диалог ведется несколько напористо... Советуемся с Юлиной мамой. Она считает, что можно выдать в эфир. Но что считает сама Юля? Выдержит ли она этот экзамен? Если поняла, то выдержит. А если не поняла? А если мы просто вынудили ее признаться в своей неправоте? И вдруг в редакции раздастся телефонный звонок: «Это — Юля. Мне надо с вами поговорить. Я все поняла...» И «дядя Игорь» спешит на свидание. Два человека, маленький и большой, целый вас ходят по улицам, ведут серьезный разговор о том, что признавать свои ошибки — значит - расти. Два человека, маленький и большой, беседуют о жизни. Это очень важно для обоих. А что же эпизод в передаче? Теперь можно давать в эфир: это будет уже уроком для других.

Но есть и такие записи, которые ждут своего часа. Вот мы ставим сказку «Репка», где во время импровизированного спектакля внезапно разыгрывается целая драма из жизни. Как серьезны и сложны, оказывается, взаимоотношения семилетних: их привязанности, антипатии... Пронесут ли они эти чувства через время?

А вот мы все вместе весело и вдохновенно учимся сапожному делу. Конкурс проводят лучшие мастера города. А победителям на память вручаются фартуки взрослого размера... Сохранят ли они эту память? И какие профессии выберут для себя, когда вырастут?

Когда вырастут... Мы идем с работы — и почти каждый день узнаем целый ворох новостей:

— Алеша Новиков проплыл быстрее всех в бассейне!

(Надо же! А ведь еще совсем недавно он боялся прыгнуть в воду...)

— У Светы пятерка по математике!

(И вспоминаются ее грустные глаза: «По двадцать раз бегала к учительнице, задачу не могла решить».)

— А Елена Игоревна вышла замуж. Она нас теперь бросит?!

(Надо познакомиться с ее мужем, интересно, что за человек? И, кстати, как он относится к профессии жены? Ведь учительница младших классов — это нелегкий хлеб!)

Новости сообщают чаще радостные. Но случилось у нас и горе.

— Вы знаете, вчера у Кати умерла мама...

(Господи! Да разве такое бывает?! Ведь вот же она — сидит на третьей парте в левом ряду! Такая улыбчивая, такая женственная, такая добрая! Катина мама! Она любила читать дочке сказку о принцессе на горошине и мечтала, что Катю никогда не коснется ни пошлость, ни грубость...

«Принцесса» Катя! Как же она будет теперь? С кем? И вспомнилась Катина бабушка, которая пришла на запись передачи «Наши дедушки и бабушки», села в уголочке, сложила на коленях натруженные руки, да так и просидела весь вечер, не проронив ни слова, пока мы бурно обсуждали вопрос «Вместе с детьми и внуками жить или отдельно?..» Почему она промолчала? От застенчивости? А может быть, для нее вообще не существовал вопрос: «Вместе жить или отдельно? Почему она промолчала? Как вообще случилось, что мы так мало знаем о Катинной бабушке?)

...Этого не успели, того не сумели, на это не решились, о том не так спросили...

В конце, наверное, стоит рассказать еще об одном уроке, который мы получили во время «Контрольной для взрослых».

Может быть, вы помните шестилетнего Олега, который в самой первой передаче сказал: «Я добрых людей определяю по лицу и по тому, как они относятся к детям». Ему же принадлежит и убеждение, что: «Друг — это тот, кто всегда рядом!»

Прошел год. Идет запись заключительной передачи цикла. Олег (теперь уже семилетний человек) формулирует свою жизненную позицию.

Он говорит о взаимоотношениях людей, о честности, отзывчивости, и мы понимаем, что теперь Олег не только определяет доброту других, он научился этому великому качеству и сам. Дальше Олег рассказывает: «На работе у мамы есть одна тетя, у которой мальчик очень болен, он не может ходить в школу, но он учится дома и уже помогает маме, выполняет заказы фабрики — делает коробочки, за которые платят деньги. А моя мама приносит эти коробочки домой, и мы их все вместе по вечерам клеим, помогаем мальчику...»

Следует заметить, что Олег растет в обеспеченной профессорской семье. Вот как растят человека в этой семье! Вот какого человека растят!

Надо ли объяснять, как дорог был для нас этот эпизод... Мы с нетерпением ждали просмотра записи. Но он по каким-то причинам задерживался. Наконец не выдерживаем, идем в аппаратную, где застаем бригаду в полном составе: они не решались нам сказать. Они несколько часов подряд работали, пытались спасти запись. Но приговор был суров и обжалованию не подлежал: брак по звуку, брак по изображению, брак пленки! Наши товарищи не решались нам всего этого сказать. У них были такие лица, что утешать их стали мы.

Утешали тем, что на этот раз мы нарушим закон, действовавший на протяжении всей работы над циклом: «Никаких дублей!» Ничего, Олег — человек отзывчивый, он пойдет нам навстречу и расскажет еще раз историю о коробочках. Олег человек честный, поэтому мы принимаем еще одно решение — рассказать ему всю правду о погибшей пленке и о том, как важно для нас всех иметь эту запись.

Съемка состоялась через месяц. Включены камеры, запись ведется сразу на двух кассетах. На экране - крупный план Олега, мальчик молчит. Еще раз объясняем «задачу». Олег молчит. Следует серия «наводящих» вопросов. Олег молчит. Да что же это происходит! Почему в его глазах такая мука? Как будто человека заставляют солгать.

Наконец Олег буквально выдавливает слова:

— Мама больше не приносит коробочки...

Вот и все. Состоялась еще одна «контрольная для нас».

...Контрольная для взрослых... Они пишут ее ежедневно, воспитывая и обучая детей в семье и яслях, детском саду и в школе. И отметки взрослым ставит самый главный учитель — жизнь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I ЗНАКОМСТВО	5
Глава II ВЕРИТЕ ЛИ ВЫ В СКАЗКУ?	27
Глава III НАШИ ДЕДУШКИ И БАБУШКИ	47
Глава IV СЕМЬ ЛЕТ — ЭТО МНОГО ИЛИ МАЛО?	69
Глава V О ЛЮБВИ	89
Послесловие	103

**Светлана Викторовна Волошина,
Игорь Абрамович Шадхан**

КОНТРОЛЬНАЯ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Редактор

Л. П. Бугрова

Художник

В. Б. Мартусевич

Художественный редактор

И. В. Зарубина

Технический редактор

Л. П. Никитина

Корректор В. Д. Чаленко

ИБ № 1808

**Сдано в набор 26.03.81. Подписано
к печати 2.07.81. М-12941. Формат
84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарн.
«Школьная». Печать высокая. Усл.
печ. л. 5,88. Уч.-изд. л. 5,40. Ти-
раж 100 000 экз. Заказ № 73.
Цена 25 коп. Ордена Трудового
Красного Знамени Лениздат,
191023, Ленинград, Фонтанка, 59.
Ордена Трудового Красного Зна-
мени типография им. Володарского
Лениздата, 191023, Ленинград,
Фонтанка, 57**

Волошина С. В., Шадхан И. А.

В62 Контрольная для взрослых.— Л.: Лениздат, 1981.— 112 с., ил.

Авторы этой книги — тележурналистка С. В. Волошина и режиссер Ленинградской студии телевидения И. А. Шадхан — создали цикл передач «Контрольная для взрослых», которые завоевали большую популярность во всей стране.

В своей книге они рассказывают о том, как создавался этот цикл, делятся раздумьями над взаимоотношениями между родителями и их детьми, приводят обширную почту телезрителей.

В 11301 0802010203—226 39—81
M171(03)—81

66.017.85